

The background of the entire page is a dense, intricate pattern of swirling, flame-like or leaf-like shapes in various shades of red, from deep maroon to bright, almost white-red highlights. The pattern is highly detailed and fills the entire frame.

**"Наука дедукции"
Шерлока Холмса.
Современный
ВЗГЛЯД**

Виктор Светлов

18+

Виктор Светлов

**«Наука дедукции» Шерлока
Холмса. Современный взгляд**

«Автор»

2024

Светлов В.

«Наука дедукции» Шерлока Холмса. Современный взгляд /
В. Светлов — «Автор», 2024

Книга посвящена одному из наименее исследованных вопросов творчества выдающегося английского писателя сэра Артура Конан Дойля (22.05.1859, Эдинбург - 07.07.1930, Кроуборо) - науке идеального расследования уголовных преступлений. Сам А. Конан Дойль устами своего главного героя Шерлока Холмса называл ее «наукой дедукции». На примерах из рассказов и повестей о приключениях Шерлока Холмса и его друга Уотсона (Ватсона) доказывается, что «наука дедукции» А. Конан Дойля представляет оригинальный синтез принципов абдукции (открытия нового знания), дедукции (вывода необходимых следствий из известного знания) и индукции (обоснования нового знания), полностью соответствующий всем требованиям современного понимания научного вывода. Хотя книга предназначена для массового, прежде всего, юного читателя, автор надеется, что она будет также интересна и профессионалам, занимающимся реальными расследованиями уголовных преступлений.

© Светлов В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
1. Шерлок Холмс о принципах и задачах «науки дедукции»	9
1.1. Идеальный сыщик: основные требования	10
1.2. Наука наблюдения	18
1.3. «Наука дедукции» как искусство объяснения причин	22
1.4. Пятнадцать правил «науки дедукции»	26
2. Анатомия «науки дедукции» Шерлока Холмса	30
2.1. «Наука дедукции» как абдукция нетривиальных версий расследования	31
2.2. «Наука дедукции» как искусство дедукции необходимых следствий	34
2.3. «Наука дедукции» как индукция обоснованной версии расследования	36
2.4. «Наука дедукции»: абдукция, дедукция и индукция как функции единого научного вывода	39
1. Знакомство с деталями происшествия	42
2. Абдукция рабочей версии	44
3. Дедукция необходимых следствий	48
4. Индукция рабочей версии	49
Заключение	51

Виктор Светлов

"Наука дедукции" Шерлока Холмса. Современный взгляд

Предисловие

Творчество А. Конан Дойля приходится на время, названное историками «Викторианской эпохой» – периодом царствования королевы Англии и Ирландии Виктории (1831–1901). Как отмечают историки нравов журнала *Voice Mag* (2022, 26.05), англичане до сих пор с ностальгией вспоминают викторианскую эпоху. В тот период «Жизнь текла по незыблемым правилам, как было заведено, и завтрашний день не сулил никаких неприятных сюрпризов. Безукоризненная репутация ценилась выше любых денег, а небезукоризненная мгновенно закрывала перед ее обладателями все двери. Полицейских на улицах было мало, но зато каждый действительно был слугой закона. Монархия пользовалась всеобщим уважением, но реальную политику делали в парламенте и на выборах, патриотизм не насаждали из-под палки. Вежливость и сдержанность считались достоинствами».

Потребности промышленного развития, а также отсутствие в данный период времени в Англии значительных войн, социальных катастроф и потрясений способствовали возникновению условий для быстрого развития «Если и можно найти что-либо действительно постоянное и общее для всей викторианской эпохи в Англии, то его следует приписать двум главным обстоятельствам: первое из них заключалось в том, что в этот период не было ни значительной войны, ни боязни катастрофы извне; и второе – что в течение всего периода существовал интерес к религиозным вопросам, и происходило быстрое развитие научной мысли и самодисциплинирования человеческой личности, явившегося результатом влияния пуританизма»¹. Наука рассматривалась как главное условие технического и социального прогресса.

Потребности развития науки разбудили интерес к анализу фундаментальных проблем логики и методологии науки. Общими усилиями философов, логиков и математиков была разработана гипотетико-дедуктивная версия научного вывода, которая приобрела необычайную популярность среди так называемой образованной части общества. Эта популярность достигла такого уровня признания, что стала предметом художественного изображения и элементом массового сознания. Созданный пером А. Конан Дойля образ идеального сыщика «всех времен и народов» Шерлока Холмса, по праву до сих пор считается непревзойденной вершиной детективного жанра. Но такой высокий статус Шерлок Холмс заслужил прежде всего потому, что А. Конан Дойль был не только талантливым писателем, но и подлинным научным исследователем, активно и творчески применявшим в создаваемых детективных историях технику гипотетико-дедуктивного анализа.

Назвав свою науку эффективного расследования криминальных преступлений «наукой дедукции», А. Конан Дойль безусловно отдал дань традиции своего времени. Гипотетико-дедуктивный метод, одна из наиболее развитых форм научного вывода, фактически был единственной универсальной научной формой вывода, известной широкой общественности. Новая (вероятностная) концепция индукции и метод изобретения объясняющих и предсказывающих гипотез, названный Ч. С. Пирсом абдукцией, еще только создавались и не были известны за пределами узкого круга логиков-профессионалов. Однако со временем термин «наука дедук-

¹ Тревелльян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Пер. с англ. А.А.Крушинской и К.Н.Татариновой. Смоленск: Русич. 2001. С.536.

ции» стал восприниматься как слишком широкое понятие, не соответствующее в точном смысле ни дедукции, ни индукции, ни абдукции в отдельности. Как же понимать тогда «науку дедукции» А. Конан Дойля с современной точки зрения?

В книге отстаивается предположение и приводятся соответствующие свидетельства, что «наука дедукции» А. Конан Дойля на самом деле – байесовский вариант теории научного вывода, выраженный в языке художественной литературы и объединяющий вместе элементы дедукции (вывода необходимых следствий), абдукции (открытия нетривиальных гипотез) и индукции (обоснования гипотез).

Сначала Томас Байес (1701–1761) – математик и пресвитерианский священник в одном лице, затем Чарльз Дарвин (1809–1882) – натуралист и эволюционист доказали, что эволюция не только научных идей, но и всей живой природы невозможна без «конкуренции» ее носителей, «поражения» одних и «победы» других². А. Конан Дойль добавил к этой картине весьма важную процедурную (алгоритмическую) часть, указав на множество правил, позволяющих начинающему криминалисту или ученому быстро раскрыть преступление или совершить важное научное открытие.

В целом можно говорить о трех взаимосвязанных планах творчества А. Конан Дойля – собственно художественном, детективном и научном. В каждом из них А. Конан Дойль сделал существенные открытия такие, что образ Шерлока Холмса даже через 100 с лишним лет поражает воображение и вдохновляет мастеров кино на создание новых интерпретаций; криминалистов и ученых на подражание и использование идей великого сыщика.

В настоящей книге показано, как именно детективный план творчества А. Конан Дойля переплетен с научным. Раскрытие этой связи обосновывает главную идею настоящей книги: *идеальный сыщик не может не быть идеальным ученым*. Обратное утверждение также верно.

² Термины «борьба», «поражение» и «победа» взяты в кавычки, чтобы указать на условность их применения в научном исследовании. Применительно к научному исследованию «борьбу» следует понимать несовместимость гипотез, т.е. невозможность их попарной истинности; «поражение» – как опровержение ложной гипотезы; «победу» – как подтверждение истинной гипотезы.

Введение

«Не знаю, как вам это удастся, мистер Холмс, но, по-моему, все сыщики по сравнению с вами младенцы. Это – ваше призвание, можете поверить человеку, который кое-что повидал в жизни» («Глория Скотт»).

Имя Шерлока Холмса всемирно известно. Ни один выдуманный герой не вызывал при жизни его создателя – Артура Конан Дойля (1859–1930) и не вызывает до сих пор такого неподдельного интереса читателей, а также специалистов самого разного профиля – литературоведов, семиотиков, юристов, логиков, социологов, психологов, писателей, работающих в жанре детектива, как Шерлок Холмс. Ему посвящены десятки специальных монографий, сотни статей, специализированные сайты в Интернете. Можно смело говорить о возникновении феномена Шерлока Холмса. Вместе с тем следует отметить, что несмотря на проведенный детальный анализ всех произведений о Шерлоке Холмсе, что составлены карты всех перемещений Шерлока Холмса со своим другом Уотсоном по территории Лондона и Англии, выяснены биографии всех реально живших героев рассказов и повестей о великом детективе, прослежены все связи героев с реальными прототипами и многое другое, остается до сих пор абсолютно неисследованной важнейшая тема – «наука дедукции» Шерлока Холмса. Это при том, что данная наука – главная отличительная черта исследовательского таланта Шерлока Холмса, его «визитная карточка» как мыслителя и сыщика.

По свидетельству известного итальянского социолога Марчелло Труzzi, «хотя метод Холмса и представляет основную черту и причину всеобщей привлекательности характера великого детектива, систематическое изложение его метода в каноническом собрании сочинений Конан Дойля (о Шерлоке Холмсе. – В. С.) отсутствует³. Не менее удивительно почти полное отсутствие внимания к технике “дедукции” в массивной библиографии о Шерлоке Холмсе»⁴. Это замечание подкрепляется нереализованным желанием Холмса (разумеется, самого Конан Дойля) представить публике на склоне лет систематическое изложение своего метода: «Ваша (обращение Холмса к Уотсону. – В. С.) несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему его не научат.

– А почему бы вам самому не писать эти рассказы? – сказал я с некоторой запальчивостью.

– И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я изрядно занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений» (*Убийство в Эбби-Грэйндж*).

К сожалению, Холмс не выполнил своего «обещания». Ни он, ни его последователи и поклонники, ни многочисленные аналитики так и не представили внятного и подробного отчета о методе Холмса. Этому отчасти способствовал сам великий сыщик, определявший нередко свою «науку дедукции» самым парадоксальным образом. Холмс называл свой метод систематизацией здравого смысла, сопоставлением незначительных с точки зрения здравого смысла улик, а также методом логических умозаключений. «Уж он-то (Уотсон. – В. С.) всякими интригующими вопросами и возгласами удивления умеет возвысить мое несложное

³ Каноном принято называть 60 оригинальных рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе, написанных самим А. Конан Дойлем (а не его многочисленными подражателями).

⁴ *Truzzi Marcello. Sherlock Holmes: Applied Social Psychologist // Umberto Eco and Thomas A. Sebeok (Eds.) The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce. Bloomington. Indiana University Press. 1983. P. 59.*

искусство до уровня чуда, хотя в действительности оно представляет собой не что иное, как систематизированный здравый смысл» (*Человек с белым лицом*); «Вам известен мой метод. Он базируется на сопоставлении всех незначительных улик» (*Тайна Боскомской долины*); «Мой дорогой Уотсон, вы же знаете мой метод. – Метод логических умозаключений? – Разумеется» (*Приключения клерка*).

Свой метод Холмс считал не только публичным, но и официальным способом разрешения спорных вопросов. «Ваши заслуги должны быть признаны публично. Вам нужно написать статью об этом деле. Если вы не напишите, это сделаю я (Уотсон. – В. С.)! – Делайте что хотите, доктор, – ответил Холмс» (*Этюды в багровых тонах*); «Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом» (*Рейгетские сквайры*); «Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов» (*Обряд дома Месгрейвов*).

Все мнения о сенсационном характере своего метода Холмс категорически отвергал, ибо «Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление ... – До чего же просто! – воскликнул я (восклицание Уотсона в ответ на объяснение Холмса. – В. С.). – Конечно, – сказал он (Шерлок Холмс. – В. С.), слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют» (*Пляшущие человечки*).

Только для того чтобы сразу расположить к себе клиента, Холмс позволял себе шокировать его неочевидными деталями своих наблюдений. «Однако я не раз убеждался, как важно поразить клиентов своей осведомленностью, и потому решил наконец сообщить кое-какие выводы» (*Человек с белым лицом*).

Так что же такое «наука дедукции» Шерлока Холмса? Что реально скрывается за этим названием? Как оценить создание Артуром Конан Дойлем образа идеального сыщика с научной точки зрения? – Ответы на эти вопросы читатель найдет в данной книге. Ее первая часть суммирует мнения самого Шерлока Холмса о своем открытии, во второй части проанализированы ее основные правила на примерах из созданной воображением Артура Конан Дойля «практики» детектива.

1. Шерлок Холмс о принципах и задачах «науки дедукции»

Расследование преступления – точная наука, по крайней мере должно ею быть (Знак четырех).

«Вы меня знаете, мистер Холмс? – воскликнула она. – Иначе откуда вам все это известно?»

– Неважно, – засмеялся Холмс. – Все знать – моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае, зачем вам было бы приходить ко мне за советом?» (Установление личности).

Идеальный сыщик, считает Холмс, – это сыщик, который в совершенстве владеет методом, названным им «наукой дедукции». Это означает, что такой сыщик должен: иметь специальные знания и навыки в тех областях, которые необходимы для расследования, а также уметь наблюдать и делать выводы на основании наблюдений. «Он (французский последователь метода Холмса. – В. С.) пишет вам, как ученик учителю, – сказал я (Уотсон. – В. С.). – Он переоценивает мою помощь, – заметил Холмс безразлично. – Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет» (*Знак четырех*). Кроме того, идеальный сыщик должен относиться «к своей профессии как к науке» (*Этюды в багровых тонах*), т. е. исходить из того, что все в этом мире взаимосвязано, совершается исключительно согласно законам природы и логики и постигаемо посредством одного лишь разума. Все сказанное о требованиях Холмса к идеальному сыщику вне всякого сомнения навеяны господствовавшими в конце XIX и начале XX столетия представлениями об основных стандартах научного познания и образцового ученого. Хотя случайность играет свою роль в природных процессах, но ее общие законы универсальны и незыблемы. Не зная эти законы, невозможно быть ни великим ученым ни проницательным сыщиком.

1.1. Идеальный сыщик: основные требования

Вопрос не из простых, так как речь идет о сыщике-консультанте – профессии, рождение которой обязано именно Шерлоку Холмсу. «Видите ли, – объясняет Холмс Уотсону, – у меня довольно редкая профессия. Пожалуй, я единственный в своем роде. Я сыщик-консультант, если только вы представляете себе, что это такое. В Лондоне множество сыщиков, и государственных и частных. Когда эти молодцы заходят в тупик, они бросаются ко мне, и мне удается направить их по верному следу. Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка. Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысячу первое» (*Этюд в багровых тонах*).

Мотивы создания новой профессии Холмс раскрываются в рассказах *Глория Скотт*, *Обряд дома Месгрейвов* и повести *Знак четырех*. Новая профессия помогла Холмсу реализовать в полной мере свои выдающиеся способности, избежать апатии и одиночества, умственной и физической деградации, стать общественно значимой личностью.

«– У меня здесь кое-какие бумаги, – сказал мой друг Шерлок Холмс, когда мы зимним вечером сидели у огня. – Вам не мешало бы их просмотреть, Уотсон. Это документы, касающиеся одного необыкновенного дела – дела «*Глории Скотт*». Когда мировой судья Тревор прочитал вот эту записку, с ним случился удар, и он, не приходя в себя, умер...

– Вы возбуждаете мое любопытство, – сказал я (Уотсон. – В. С.). – Но почему вы утверждаете, что мне необходимо ознакомиться с этим делом?

– Потому что это – мое первое дело.

Я часто пытался выяснить у своего приятеля, что толкнуло его в область расследования уголовных дел, но до сих пор он ни разу не пускался со мной в откровенности. Сейчас он сел в кресло и разложил бумаги на коленях. Потом закурил трубку, некоторое время попыхивал ею и переворачивал страницы.

– Вы никогда не слышали от меня о Викторе Треворе? – спросил Шерлок Холмс. – Он был моим единственным другом в течение двух лет, которые я провел в колледже.

– Я не был общителен, Уотсон, я часами оставался один в своей комнате, размышляя над всем, что замечал и слышал вокруг, – тогда как раз я и начал создавать свой метод. Поэтому я и не сходил в колледже с моими сверстниками. Не такой уж я любитель спорта, если не считать бокса и фехтования, словом, занимался я вовсе не тем, чем мои сверстники, так что точек соприкосновения у нас было маловато» (*Глория Скотт*).

«Вы, должно быть, помните, как происшествие с «*Глорией Скотт*» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов. Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами – в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «*Этюд в багровых тонах*», – у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале, и как долго я ждал успеха» (*Обряд дома Месгрейвов*).

«Мой мозг, – сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, – бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай – и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

– Единственный на весь мир частный детектив? – спросил я, поднимая брови.

– Единственный частный детектив-консультант, – ответил Шерлок Холмс.

– Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс (знаменитые сыщики Скотленд-Ярда. – В. С.) в тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удастся распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод».

(*Знак четырех*)

Пытаясь определить профессию своего нового друга в начале своего знакомства с ним, Уотсон составил специальный «Аттестат» Холмса, но вынужден был признать знания последнего эклектичными, не имеющими никакого внутреннего основания. «Я (Уотсон. – В. С.) перечислил в уме все области знаний, в которых он проявил отличную осведомленность. Я даже взял карандаш и записал все это на бумаге. Перечитав список, я не мог удержаться от улыбки. “Аттестат” выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

1. Знания в области литературы – никаких.

2. – « – « – философии – никаких.

3. – « – « – астрономии – никаких.

4. – « – « – политики – слабые.

5. – « – « – ботаники – неравномерные. Знает свойства белладонны, опиума и ядов вообще. Не имеет понятия о садоводстве.

6. – « – « – геологии -практические, но ограниченные. С первого взгляда определяет образцы различных почв. После прогулок показывает мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из какой она части Лондона.

7. – « – « – химии – глубокие.

8. – « – « – анатомии – точные, но бессистемные.

9. – « – « – уголовной хроники – огромные, Знает, кажется, все подробности каждого преступления, совершенного в девятнадцатом веке.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Отлично фехтует на шпагах и эспадронах, прекрасный боксер.

12. Основательные практические знания английских законов.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул “аттестат” в огонь. “Сколько ни перечислять все то, что он знает, – сказал я себе, – невозможно догадаться, для чего ему это нужно и что за профессия требует такого сочетания! Нет, лучше уж не ломать себе голову понапрасну!”» (*Этюд в багровых тонах*).

Однако Уотсон ошибался. Знания и навыки, которыми владел Холмс и которые на первый взгляд действительно кажутся хаотичными, нужны ему для безупречного выполнения своих профессиональных обязанностей – доказательства наличия совершенного преступления, поиска и задержания преступника. «Для начала нам, – ставит задачу Холмс, – придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено?» (*Собака Баскервильей*). Ответы на эти вопросы дает расследование. Но этого мало. Сыщик должен уметь решать, выражаясь современным языком, и оперативную задачу – розыск и поимку преступника. «Вы спрашиваете, знаю ли я имя убийцы. Да, знаю. Но знать имя – это еще слишком мало, надо суметь поймать преступника» (*Этюд в багровых тонах*).

В самом деле, идентификация преступления и преступника по его следам требует практического знания гражданских и уголовных законов, основ анатомии, химии и геологии. Фактически Холмс – сыщик-консультант, который одновременно является экспертом в области судебной медицины, баллистики, графологического, химического и почвоведческого анализа.

Без специальных знаний невозможно установить факты, имеющие отношение к преступлению, а также отделить среди них существенные от случайных.

Важно также то, что, будучи на первый взгляд бессистемными, специальные знания Холмса не раз позволяли ему интуитивно нащупывать решение очередной криминальной драмы. Это подтверждает современный взгляд на сущность научного открытия. Чтобы оно произошло, необходимо не только настойчиво думать в определенном направлении, но и избавить свой ум от внутренних запретов и границ, разделяющих разные области знания, позволить им сочетаться в самых разнообразных комбинациях. «Если только Уотсон писал не понапрасну, вам должно быть известно, читатель, что я располагаю большим запасом современных научных познаний, приобретенных вполне бессистемно и вместе с тем служащих мне большим подспорьем в работе. Память моя похожа на кладовку, битком набитую таким количеством всяческих свертков и вещей, что я и сам с трудом представляю себе ее содержимое. Я чувствовал, что там должно быть что-то, касающееся этого дела» (*Львиная грива*)

В “аттестате” Холмса не отмечены актерские и организаторские способности великого сыщика, которые не раз помогали ему раскрывать преступления и видеть в своем ремесле настоящее искусство. «Уотсон уверяет, что я в своем роде художник. Во мне живут инстинкты, которые требуют добротной режиссерской постановки сцен. Уверяю вас, мистер Мак, наша профессия стала бы совсем скучной, если бы иногда мы не обогащали ее драматическими действиями, которые придавали бы блеск добытым с трудом результатам» (*Долина ужаса*).

Вот несколько примеров актерского мастерства Холмса. «Боже правый! – воскликнул полковник, смеясь. – Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

– С профессиональной точки зрения это проделано великолепно! – воскликнул я (Уотсон. – В. С.), с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума. – Это – искусство, которое часто может оказаться полезным, – сказал он» (*Рейгетские сквайры*).

Еще более яркий пример актерского мастерства Холмса содержится в повести *Знак четырех*: «Я, – констатирует Уотсон, – слышу шаги. Возможно, это Холмс. На лестнице послышалось тяжелое шарканье ног, сильное пыхтение и кашель, как будто шел человек, для которого дышать было непосильным трудом. Один или два раза он останавливался. Но вот наконец он подошел к нашей двери и отворил ее. Его внешность вполне соответствовала звукам, которые доносились до нас. Это был мужчина преклонных лет в одежде моряка – старый бушлат был застегнут до подбородка. Спина у него была согнута, колени дрожали, а дыхание было затрудненное и болезненное, как у астматика. Он стоял, опершись на толстую дубовую палку, и его плечи тяжело поднимались, набирая в легкие непослушный воздух. На шее у него был цветной платок, лица, обрамленного длинными седыми бакенбардами, почти не было видно, только светились из-под белых мохнатых бровей темные умные глаза. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного старого моряка, впавшего на склоне лет в бедность.

– Чем можем вам служить, папаша? – спросил я. Он обвел комнату медленным взглядом старика.

– Мистер Шерлок Холмс дома? – спросил он.

– Нет. Но я его заменяю. Вы можете рассказать мне все, что хотели рассказать ему.

– А я хочу видеть самого Шерлока Холмса, – упрямо повторил старик.

– Но я же вам говорю, что я его заменяю. Вы пришли по поводу катера Смита, конечно?

– Да, я знаю, где он. Еще я знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, где сокровища. Я все знаю!

– Расскажите мне; это все равно, что рассказать Холмсу.

– Нет, я должен рассказать только ему самому, – твердил наш гость со стариковским упрямством и раздражительностью.

– Тогда подождите его.

– Не хочу ждать. Не хочу даром терять день ни ради кого. Если мистера Холмса нет, пусть себе все узнает сам. А вам я ничего не скажу, больно мне ваши физиономии не нравятся. Он поковылял к двери, но Джонс обогнал его.

– Подожди, приятель, – сказал он. – У тебя есть важные сведения, и ты не уйдешь отсюда. Придется тебе подождать, хочешь ты или нет, нашего друга Холмса. Старик, рванулся к двери, но Этелни Джонс заслонил ее своей широкой спиной, и старик понял, что сопротивление бесполезно.

– Хорошенькое обращение с гостем, – сказал он, стуча палкой. – Я пришел сюда, чтобы поговорить с мистером Холмсом. А вы двое набросились на меня, хотя я вас знать не знаю. Хорошенькое обращение с человеком!

– Вам не сделают ничего плохого, – сказал я. – Садитесь сюда на диван и подождите. Холмс очень скоро вернется.

Он мрачно подошел к дивану и сел, подперев ладонями свою большую голову. Мы с Джонсом снова взяли наши сигары и продолжили разговор. Вдруг голос Холмса оборвал нас на полуслове:

– Могли бы предложить сигару и мне.

Мы так и подпрыгнули в креслах. Прямо перед нами сидел Холмс и довольно улыбался.

– Холмс! – воскликнул я. – Вы здесь? А где же старик?

– Вот он, – ответил Холмс, протягивая в руке копну белых волос. – Вот он весь – бакенбарды, парик, брови. Я знал, что мой маскарад удачен, но не предполагал, что он выдержит такое испытание.

– Вот это класс! – с искренним восхищением воскликнул Джонс. – Из вас вышел бы отличный актер, первосортный! Вы кашляете точь-в-точь как постоялец рабочего дома. А за ваши дрожащие колени можно дать десять фунтов в неделю. Мне, правда, показался знакомым блеск глаз. Но уйти вы все-таки от нас не смогли» (*Знак четырех*).

Свидетельством неплохих организаторских способностей Холмса служит учреждение и управление им «нерегулярной полицейской частью, командой с Бэйкер-стрит». Это решение Холмс принял с целью реализации вынесенной из практики общения с государственными сыщиками идеи, что чрезмерная централизация Скотленд-Ярда тормозит расследование уголовных преступлений. «Мы считаем, что этот случай подтверждает правоту тех, кто держится мнения, что наша полиция должна быть более децентрализована. Тогда дела будут расследоваться более быстро и тщательно...

В этот миг в прихожей раздалось громкое звяканье колокольчика, вслед за ним испуганный голос нашей хозяйки, уговаривающей кого-то.

– Боже мой, Холмс, – сказал я, вставая, – никак это действительно они (полицейские. – В. С.)!

– Нет, до этого еще не дошло. Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит. Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек. Несмотря на шумное вторжение, было заметно все-таки, что это отряд, подчиняющийся дисциплине, так как мальчишки немедленно выстроились в ряд и нетерпеливо воззрились на нас. Один из них, повыше и постарше других, выступил вперед с видом небрежного превосходства. Нельзя было без смеха смотреть на это чучело, отнюдь не внушающее доверия.

– Получил вашу телеграмму, сэр, – сказал он. – И привел всех...

– Условия прежние, и нашедшему катер – гинья. А это за день вперед. Ну, а теперь за работу! – Холмс каждому вручил шиллинг, мальчишки застучали голыми пятками по лестнице и высыпали на улицу.

– Эти “Аврору” из-под земли достанут, – сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола и зажигая трубку. – Они всюду пролезут, все увидят, все услышат. Я уверен, что уже к вечеру мы будем знать, где “Аврора”» (*Знак четырех*).

Холмсу также не чужд, несмотря на его неприязнь к женщинам, определенный романтизм и чувство прекрасного. «Мне кажется, что своей верой в божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное – наши способности, наши желания, наша пища – необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее существования. Только божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться» (*Морской договор*). Уотсон отметил хорошую игру Холмса на скрипке. Но Холмс не просто хорошо играл, он боготворил музыку, отстаивал вместе с Дарвиным предположение о ее более раннем происхождении в антропогенезе в сравнении с человеческой речью. «Это (концерт скрипачки Норман Неруды. – В. С.) было прекрасно, – сказал он, садясь за стол. – Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что человечество научилось создавать музыку и наслаждаться ею гораздо раньше, чем обрело способность говорить. Быть может, оттого-то нас так глубоко волнует музыка, в наших душах сохранилась смутная память о тех туманных веках, когда мир переживал свое раннее детство» (*Знак четырех*).

Отдавая приоритет способности мыслить в работе сыщика, Холмс тем не менее признавал необходимость и воображения, особенно при изобретении предположений, объясняющих факты. «Инспектор Грегори, которому поручено дело, – человек энергичный. Одари его природой еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыского искусства... – Вот что значит воображение, – улыбнулся Холмс. – Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось» (*Серебряный*).

Оправдывая свою узкую специализацию и невежество в областях знания, не имеющих прямого отношения к расследованию преступлений, прежде всего гуманитарных, Холмс выдвигает особую теорию мозга-чердака, куда толковый хозяин вносит только то, что ему действительно необходимо. «Видите ли, – сказал он, – мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных» (*Этюд в багровых тонах*).

Но было бы преждевременным и безосновательным на основании указанной теории мозга обвинять Холмса в твердолобом позитивизме⁵. Конан Дойль предоставляет множество свидетельств подлинной методологической и мировоззренческой широты взглядов Холмса.

Сыщик не отрицает необходимости широких обобщений, широты мировоззрения и глубоких идей в своем ремесле. Они необходимы для выдвижения смелых и проницательных гипотез (версий). «Широта кругозора, мой милый мистер Мак, необходима для нашей профессии. Взаимодействие идей и результатов их практического применения часто играет решаю-

⁵ Позитивизм (от лат. *positivus* – положительный) – направление в философии, политике, экономике, этике, педагогике, историографии и литературе XIX столетия, представители которого, критикуя разнообразные формы идеализма, признавали науку в качестве единственного прочного фундамента научного, технического и социального прогресса и отстаивали единство научного метода. Основоположнику позитивизма и создателю социологии, французскому мыслителю Огюсту Конту (1798-1857) принадлежат слова, выражающие кредо этого течения, «наука – сама себе философия».

щую роль»; «Это широкое обобщение. Посмотрим, к чему оно нас приведет» (*Долина ужаса*); «Нет, сэр, я (Холмс. – В. С.) придерживаюсь той точки зрения, что все сказанное молодым человеком – правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза» (*Тайна Боскомской долины*).

Несмотря на неоднократные подчеркивания важнейшей роли умственных способностей в сыском ремесле Холмс не устает признавать необходимость и творческого вдохновения. Без него конструирование версий расследования становится невозможным. «Я верю во вдохновение» (*Долина ужаса*); «Шерлок Холмс весь преобразался, когда шел по горячему следу. Люди, знающие бесстрастного мыслителя с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его в этот момент. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри расширялись, как у охотника, захваченного азартом преследования. Он настолько был поглощен стоящей перед ним задачей, что на вопросы, обращенные к нему, или вовсе ничего не отвечал, или нетерпеливо огрызнулся в ответ» (*Тайна Боскомской долины*).

Во всех своих расследованиях Холмс всегда исходит из приоритета реальности, взаимосвязи и взаимодействия всего существующего, его подчинения законам природы. «Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность – достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями пусть к нам не суются» (*Вампир в Суссексе*). Реальность всегда богаче любого воображения. «Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, – сказал Шерлок Холмс, когда мы с ним сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит» (*Установление личности*); «Совсем недавно ... я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить тех необычайных диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни» (*Союз рыжих*).

Но без развитого воображения и определенной смелости, считает Холмс, реальность не поддается правильному объяснению. Сыщик должен уметь сочетать воображение с ощущением реальности. «Мне не хватило быстроты реакции и того сочетания воображения и ощущения реальности, которые составляют основу моего ремесла» (*Загадка Торского моста*). «Все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа, – ответил Холмс» (*Этюд в багровых тонах*).

Предметом расследования может быть только то, что существует реально и подчиняется законам природы. Критерий реальности прост – реально существует только то, что находится в причинно-следственной связи со всем остальным.

В отличие от догматических детерминистов Холмс не отрицает объективного характера случайности, признает ее совместимость с всеобщей причинно-следственной связью и познаваемость. «Не может существовать такой комбинации случайных и неслучайных событий, для которых человеческий ум не мог бы найти объяснения» (*Долина ужаса*).

Вместе с тем Холмс отвергает возможность полного хаоса как общего закона природы и общественной жизни, ибо он привел бы к безысходному кругу бессмысленного отчаяния, насилия и страдания. «Что же это значит, Уотсон? – мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу. – Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это невыносимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа» (*Картонная коробка*); «Именно, Уотсон. Жалкое и никчемное. Но не такова ли и сама наша жизнь? Разве его судьба – не судьба всего человечества в миниатюре? Мы тянемся к чему-то. Мы что-то хватаем. А что остается у нас в руках под конец? Тень. Или того хуже: страдание» (*Москательщик на покое*).

Все, что не подчиняется законам причинно-следственной связи, выходит за пределы реальности и тем самым разумного объяснения. «Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы» (*Собака Баскервилей*).

Холмс признает не только взаимосвязь и взаимодействие всего существующего, но также его неизменную регулярность и цикличность. «Да, ничто не ново под луной. Все уже бывало прежде» (*Этюд в багровых тонах*). «Мистер Мак, в жизни решительно все повторяется, даже профессор Мориарти... Старое колесо поворачивается, и спицы возвращаются на прежние места. Все, что мы видим, когда-то уже было и снова будет» (*Долина ужаса*).

Мировоззренческие и методологические взгляды Холмса находят прямое применение в его практике. Невозможно представить, чтобы Холмс смог добиться блестящих результатов, не обладая подобными знаниями. Разделяя научные установки своего времени, Холмс исходит из того, что все, что существует реально, взаимодействует друг с другом. Поэтому, считает он,

все связано друг с другом множеством причинно-следственных цепей и по одному звену каждой из них всегда можно установить как ее начало, так и ее конец; «Идеальный мыслитель, – заметил он (Шерлок Холмс. – В. С.), – рассмотрев со всех сторон единичный факт, может проследить не только всю цепь событий, результатом которых он является, но также и все вытекающие из него последствия. Подобно тому, как Кювье мог правильно описать целое животное, глядя на одну его кость, наблюдатель, досконально изучивший одно звено в цепи событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья, и предшествующие и последующие» (*Пять апельсиновых зернышек*);

существует два противоположных вида умозаключений – от причины к следствию и от следствия к причине;

в сыском деле основополагающей является способность умозаключать от следствия к причине;

«При решении подобных задач, – объясняет Холмс своему другу Уотсону, – очень важно уметь рассуждать от следствия к причине. Это чрезвычайно ценная способность, и ее нетрудно развить, но теперь почему-то мало этим занимаются. В повседневной жизни гораздо полезнее думать от причины к следствию, поэтому обратные рассуждения сейчас не в почете. Из пятидесяти человек лишь один умеет рассуждать аналитически, остальные же мыслят только синтетически.

– Должен признаться, я вас не совсем понимаю.

– Я так и думал. Попробую объяснить это понятнее. Большинство людей, если вы перечислите им все факты один за другим, предскажут вам результат. Они могут мысленно сопоставить факты и сделать вывод, что должно произойти то-то. Но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными, или аналитическими, рассуждениями» (*Этюд в багровых тонах*).

Холмс ошибочно называет рассуждения от причины к следствиям синтетическими, а от следствия к причине аналитическими. С современной точки зрения, все обстоит с точностью до наоборот. Синтетическими, т. е. увеличивающими знание, сейчас принято называть все недедуктивные (абдуктивные и индуктивные) умозаключения, а аналитическими, т. е. не увеличивающими, а только его раскрывающими знание, наоборот, – все дедуктивные. Причиной этой словесной путаницы следует считать отсутствие общепринятой логической терминологии в логике и методологии науки второй половины XIX столетия. Ведь тогда рождалась новая, символическая, логика, и ее понятия резко отличались от понятий традиционной (аристотелевской) логики. Конан Дойль был живым свидетелем смешения разных логических теорий и их базисных терминов. Но, несмотря на отмеченные терминологические неточности, произ-

веденное Холмсом разделение умозаключений на указанные два вида и сделанный акцент на особой важности для сыщика и ученого ретроспективных, т. е. недедуктивных умозаключений, по существу правильно. Медики, сыщики и ученые рассуждают главным образом ретроспективно, так как вынуждены сначала собирать симптомы, улики, факты и только затем искать объясняющие их причины. «В сыском деле нет ничего важнее, чем искусство читать следы, хотя именно ему у нас почти не уделяют внимания» (Этюд в багровых тонах); «Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, – цепь рассуждений от следствия к причине, Это и привело к успешному раскрытию дела» (*Знак четырех*).

Общие, т. е. мировоззренческие, теоретические и методологические, знания позволяют сыщику формировать логически убедительные версии происшедшего преступления.

Излишне специально подчеркивать, что сыщик нуждается как в умении устанавливать факты, т. е. извлекать конкретные заключения специального характера, так и в умении строить версии на основании отобранных фактов, т. е. выдвигать гипотезы и предположения теоретического, мировоззренческого и методологического характера для объяснения и предсказания новых фактов, т. е. в умении рассуждать согласно законам «науки дедукции». «...Человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Евклида» (*Этюд в багровых тонах*).

1.2. Наука наблюдения

Факты составляют конкретный материал расследования, необходимый для описания преступления, выдвижения версий и устанавливаются в процессе наблюдения места происшествия, опроса очевидцев, сбора и анализа специальных улик. Поэтому неудивительно, что способность к наблюдению представляет, согласно Холмсу, вторую необходимую черту идеального сыщика. «Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования» (*Установление личности*). Но что именно подразумевается под этой способностью?

Во-первых, наблюдать, считает Холмс, – это не то же самое, что видеть. «Вы все видите! – восклицает Уотсон. – Не больше, чем вы, – отвечает Холмс, – но я приучил себя отмечать то, что вижу» (Человек с белым лицом). Вот более пространственный пример. «Когда вы раскрываете свои соображения, – заметил я (Уотсон. – В. С.), – все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

– Совершенно верно, – ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. – Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

– Часто.

– Как часто?

– Ну, несколько сот раз!

– Отлично. Сколько же там ступенек?

– Сколько? Не обратил внимания.

– Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек – семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал» (*Скандал в Богемии*).

Во-вторых, наблюдение отличается, согласно Холмсу, от логического рассуждения тем, что задает условия последнего, определенную задачу, которое должно ее решить. «Вот вы, – спрашивает Уотсон Холмса, – упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это – почти одно и то же.

– Нет, это разные вещи, – ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. – Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

– Поразительно! – воскликнул я. – Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

– Проще простого, – улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. – Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем» (*Знак четырех*).

В-третьих, основной целью наблюдения, считает Холмс, является сбор или поиск фактов, необходимым образом связывающих место происшествия с преступником. Собираание таких фактов должно предшествовать, согласно Холмсу, выдвижению предварительных предположений и тем более созданию окончательной версии преступления. «Когда под рукой нет глины,

из чего лепить кирпичи?» (*Медные буквы*); «Вы (обращение клиента к Холмсу. – В. С.) похожи на врача, который должен знать все симптомы, чтобы поставить диагноз. – Вот именно. Это определение подходит. И если пациент скрывает симптомы своей болезни, значит, он хочет обмануть врача» (*Загадка Торского моста*).

Факты характеризуют конкретное содержание происшествия, разнообразные обстоятельства и условия, при которых оно произошло. И хотя сами по себе они не объясняют, кто и почему совершил преступление, они задают общее направление поиска и составляют содержание, на основании которого строится общее доказательство. Холмс уверен, что нельзя совершить преступление и не оставить ни одного следа. «Я (обращение начинающего сыщика Хопкинса к Холмсу. – В. С.) знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

– Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

– Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

– Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника...» (*Черный Питер*).

Факты представляют описания частных деталей, конкретных подробностей происшествия и противоположны по своему логическим характеристикам общим впечатлениям, обобщениям и догадкам. «Вы (обращение Холмса к Уотсону. – В. С.) знаете мой метод. Он основан на наблюдении мелочей» (*Тайна Боскомской долины*); «Никогда не полагайтесь, – убеждает Холмс Уотсона, – на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах» (*Установление личности*). Согласно ему, в полицейских отчетах «гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежели подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность... Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего» (*Установление личности*). Факты, описывающие детали, очень важны, но часто незаметны для обычного взгляда. Как ни удивительно, они открываются только подготовленному уму, т. е. уму, вооруженному определенной версией и понимающему их истинное значение для расследования. «Для великого ума мелочей не существует, – сентенциозно произнес Холмс» (*Этюд в багровых тонах*); «У вас поразительная способность замечать мелочи, – сказал я (Уотсон. – В. С.). – Просто я (Холмс. – В. С.) понимаю их важность» (*Знак четырех*); «Но это не просто догадка? – спрашивает Уотсон Холмса. – Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение» (*Знак четырех*).

Грубейшую ошибку совершает тот сыщик, который начинает строить версии до получения в свои руки достоверных фактов или не имея достаточного числа фактов. «Ну, а в моих правилах – не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннигем был у меня на подозрении» (*Рейгетские сквайры*); «Создавать же версию, не имея фактов, – большая ошибка» (*Второе пятно*); «Я еще не располагаю всеми фактами, но думается, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка – строить дедукцию до того, как получены достаточные данные. Незаметно для самого себя начинаешь их подгонять под свою схему» (*В сиреновой сторожке*).

В-четвертых, после появления предварительной версии наблюдение позволяет увидеть или найти факты, существенные (узловые) для построения того, что Холмс называет теорией,

т. е. окончательной версией преступления и реального завершения расследования. «В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные» (*Рейгетские сквайры*); «У вас уже есть версия? – Нет, но я выделил самые существенные факты»; «Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми» (*Серебряный*).

Холмс называет факт существенным для расследования, если тот представляет звено, часто единственное, общей причинно-следственной цепи, которое либо сразу указывает верное направление раскрытия преступления, либо служит последним решающим звеном в логической цепи между преступником и совершенным им преступлением, т. е. обеспечивает абсолютно полное объяснение совершенного преступления. Существенные факты, как правило, неочевидны, странны, аномальны, но, согласно Холмсу, именно они способствуют скорейшему раскрытию преступления. «Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем большего внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски, разобраться в них» (*Собака Баскервилей*).

Нет ничего лучше для думающего сыщика, чем наличие аномальных фактов. «Вам всем это кажется сущей дичью, – продолжал Холмс, – потому что в самом начале расследования вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне посчастливилось ухватиться за него, и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и, в сущности, являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило вас в тупик и, как вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения. Нельзя смешивать странное с таинственным. Часто самое банальное преступление оказывается самым загадочным, потому что ему не сопутствуют какие-нибудь особенные обстоятельства, которые могли бы послужить основой для умозаключений. Это убийство было бы бесконечно труднее разгадать, если бы труп просто нашли на дороге, без всяких “outré” (явных признаков. – В. С.) и сенсационных подробностей, которые придали ему характер необыкновенности. Странные подробности вовсе не осложняют расследование, а, наоборот, облегчают его» (*Этюд в багровых тонах*).

Другим примером особого значения аномальных фактов при расследовании служит следующий диалог. «Вы считаете это обстоятельство важным? – спросил он (инспектор Грегори. – В. С.).

- Чрезвычайно важным (ответ Холмса. – В. С.).
- Есть еще какие-то моменты, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?
- На странное поведение собаки в ночь преступления.
- Собаки? Но она никак себя не вела!
- Это-то и странно, – сказал Холмс» (*Серебряный*).

В-пятых, Холмс исходит из понимания очевидности наблюдения, которое прямо противоположно общепринятому, демонстрируемому не только обычными людьми, но и официальными сыщиками. Согласно распространенной точке зрения, «факты всегда говорят сами за себя и как таковые нуждаются ни в каких дополнительных интерпретациях и теоретических объяснениях». «Факты, к счастью, налицо, так что всякие там теории ни к чему... – Факты надежнее всякой теории, – самоуверенно утверждает сыщик Скотленд-Ярда Этелин Джонс» (*Знак четырех*). Согласно же Холмсу, наоборот, любая деталь, особенность происшедшего преступления приобретает определенное значение только в зависимости от версии, из которой исходит сыщик. Иными словами, всякая фактическая очевидность есть следствие сознательного или бессознательного принятия некоторой версии преступления. Если у сыщика

нет предварительной версии, то для него не может быть и очевидных фактов. «Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает» (*Собака Баскервильей*). Если же у сыщика ложная версия, то и очевидность собранных им фактов обманчива. «Ничто так не обманчиво, как слишком очевидные факты, – ответил Холмс, смеясь» (*Тайна Боскомской долины*); «Но все-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу ни показался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным» (*Знак четырех*).

Факты, собранные без руководства теорией, находятся в случайной связи друг с другом и поэтому не могут быть убедительно объединены одной причинно-следственной связью, всегда допускают альтернативное истолкование и объяснение. «Следователи из Скотленд-Ярда отлично умеют собирать факты, но не всегда умеют объяснять их» (*Морской договор*).

Факты, собранные согласно основной версии, объединены одной причинно-следственной связью, дают абсолютно полное и достоверное объяснение того, кто, при каких обстоятельствах, как именно, с помощью чего и почему совершил преступление. Такие факты невозможно интерпретировать как-либо иначе кроме как согласно основной версии, так как они исключают все альтернативные версии как невозможные. С такими фактами вынуждены согласиться все здравомыслящие люди. «Я могу обнаружить факты, но не могу их изменить!» (*Загадка Торского моста*).

1.3. «Наука дедукции» как искусство объяснения причин и предсказания следствий

Если факты – материал для выдвижения версий, т. е. предположений о причинах совершенного преступления, объясняющих без исключения все собранные факты, и составляет основную задачу наблюдения, то размышления над этим материалом, создание основной версии – прерогатива разума. «А разум я, как известно, ставлю превыше всего...» (*Знак четырех*). Ничто не может заменить аналитические способности разума в восхождении от известных следствий к их неизвестным причинам. Возможности разума в этой области, считает Холмс, поистине безграничны. Только конечность жизни мешает людям достигнуть полного совершенства. «По одной капле воды, – утверждает он, – человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области» (*Этюд в багровых тонах*).

Объективным основанием безграничных возможностей разума, если отбросить ограничение, связанное с конечностью человеческой жизни, служит опоминавшееся выше мировоззренческое допущение Холмса о взаимосвязи и взаимодействии всего существующего, о подчинении всей реальности незыблемым законам причинно-следственной связи. Если между некоторыми фактами существует подобная связь, то разум всегда ее установит в виде логически убедительного (причинно-следственного) объяснения. В противном случае такого объяснения быть не может. Нелогичность – первый признак отсутствия объективной причинно-следственной связи между анализируемыми фактами. «Во всем, – наставляет своего друга Холмс, – надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

– Я не понимаю вас.

– Так вот, Уотсон: представьте себя на месте женщины, которая, хладнокровно продумав все заранее, собирается избавиться от соперницы. Вы составили план. Написали записку. Жертва явилась. У вас есть оружие. Преступление совершено, все проделано мастерски. Но, вместо того чтобы швырнуть оружие в пруд, где оно будет похоронено навеки, вы осторожно понесете его домой и положите в свой платяной шкаф – именно туда, где его будут искать! Даже зная, что вы далеко не опытный преступник, я все же не могу себе представить, чтобы вы сработали так грубо» (*Загадка Торского моста*).

Холмс различает два сценария работы сыщика, или криминального расследования. Первый, когда собранные факты настолько исчерпывающи и однозначны, что требуется только разработать версию, которая объясняет их взаимную связь друг с другом. Холмс называет такое расследование преступления чисто логическим и оценивает его как самое приоритетное в своей работе. В логическом расследовании основополагающую роль играет дедукция следствий из некоторого предварительно обоснованного предположения. «Но этот счастливый случай оказал мне и плохую услугу: решение перестало быть чисто логическим, каким я вначале представлял его. Тогда бы это дело действительно принесло мне лавры» (*Знак четырех*).

Примером чисто логического расследования служит следующий фрагмент из рассказа *Долина ужаса*, в котором Холмс и Уотсон разгадывают содержание засекреченного послания.

«Холмс развернул письмо и положил его на стол. Я склонился над ним и стал рассматривать загадочное послание. На листке бумаги было написано следующее:

534 Г2 13 127 36 31 4 17 21 45

Дуглас 109 293 5 37 Бирлстоун.

26 Бирлстоун 9 18 171

– Что вы думаете об этом, Холмс?

– Очевидно, намерение сообщить какие-то секретные сведения.

– Но если нет ключа, какова польза зашифрованного послания?

– В настоящую минуту – ровно никакой.

– Почему вы говорите “в настоящую минуту”?

– Потому что немало шифров я могу прочесть с такой же легкостью, как акrostих по первым буквам каждой строки. Такие несложные задачки только развлекают. Но тут – иное дело. Ясно, что это ссылка на слова, которые можно найти на странице какой-то книги. Однако пока я не буду знать название книги, я бессилён.

– А что могут означать слова “Дуглас” и “Бирлстоун”?

– Очевидно, этих слов нет на взятой странице.

– Почему же не указано название книги?

– Дорогой Уотсон, ваши ум и догадливость, доставляющие столько радости вашему покорному слуге, должны бы подсказать вам, что не следует посылать зашифрованное письмо и ключ к шифру в одном и том же конверте. Скоро, однако, принесут вторую почту, и я буду удивлен, если не получу письма с объявлением или, быть может, самой книги, которой так недостает. Действительно, спустя несколько минут появился рассыльный Билли, принесший ожидаемое письмо.

– Тот же почерк на конверте. И на этот раз письмо подписано, – удовлетворенно прибавил он, развернув листок. Но, – просмотрев его, нахмурился. – Наши ожидания не оправдались. Видно, с этим Порлоком (агентом Холмса. – В. С.) у нас ничего не выйдет. Слушайте! “Многоуважаемый мистер Холмс, я больше не могу ничем помочь вам с этим делом. Оно слишком опасно. Я вижу, он меня подозревает. Я только надписал адрес на конверте, как он неожиданно вошел ко мне. Я успел прикрыть конверт, но прочел в его глазах подозрение. Сожгите зашифрованное письмо – оно для вас теперь бесполезно. Фрэд Порлок”. Некоторое время Холмс сидел молча, держа письмо в руке и сосредоточенно глядя на огонь в камине.

– В сущности, – промолвил он наконец, – что его могло так напугать? Возможно, всего лишь голос нечистой совести. Чувствуя себя предателем, он заподозрил обвинение в глазах другого.

– Этот другой, я догадываюсь, профессор Мориарти?

– Никто иной. Когда кто-нибудь из этой компании говорит “он”, то ясно, кого они подразумевают. У них только один “он”, главенствующий над всеми остальными.

– И что он затевает?

– Это сложный вопрос. Когда против вас оказывается один из первых умов Европы, а за его спиной стоит целое полчище темных сил, допустимы любые варианты. Как бы то ни было, Порлок, видимо, растерян. Сравните письмо с адресом на конверте, написанным до неприятного визита. На конверте почерк тверд, в письме его можно разобрать с трудом.

– Зачем же он писал, а просто не бросил это дело?

– Боялся, что я буду добиваться разъяснений и тем самым навлеку на него неприятности.

– Верно, – сказал я и, взяв зашифрованное письмо, стал напряженно его изучать. – Можно с ума сойти от обиды, что в таком клочке бумаги заключена важная тайна и что невозможно в нее проникнуть. Шерлок Холмс разжег трубку, бывшую спутницей самых глубоких его размышлений.

– Может быть, здесь все же имеются зацепки, ускользающие от вас. Давайте рассмотрим проблему при свете чистого разума. Этот человек ссылается на какую-то книгу – это исходный пункт.

– Нечто весьма неопределенное, надо признаться.

– И все же эта проблема, когда я вдумываюсь в нее, не кажется мне неразрешимой. Какие указания содержатся относительно этой книги?

– Никаких.

– Ну, не так уж все скверно. Шифровка начинается крупным числом пятьсот тридцать четыре. Мы можем принять его в качестве предположения, что речь идет о той странице, к которой нас отсылают как к ключу шифра. Значит, эта книга толстая. Какие еще указания имеются относительно этой толстой книги? Следующий знак – Г2. Что вы скажете о нем?

– “Глава вторая”.

– Едва ли так, Уотсон. Раз дана страница, то номер главы уже несуществен. Кроме того, если страница пятьсот тридцать четыре относится только ко второй главе, то размеры первой главы должны быть чудовищны.

– Графа! – воскликнул я.

– Великолепно, Уотсон! Вы прямо-таки блещете сегодня умом! Наверняка это или графа, или столбец. Итак, мы начинаем теперь из предпосылки наличия толстой книги, напечатанной в два столбца значительной длины, тем более что одно из слов обозначено номером двести девяносто третьим. Теперь еще такое соображение. Если бы книга была из редко встречающихся, он сразу прислал бы ее мне. В действительности же он собирался, пока его планы не были нарушены, сообщить лишь ключ к шифру. А это означает, что книгу я без труда найду у себя. Иначе говоря, Уотсон, речь идет о какой-то очень распространенной книге.

– Весьма похоже.

– Итак, мы можем сильно сузить область наших поисков, поскольку Порлок ссылается на толстую и очень распространенную книгу, отпечатанную в два столбца.

– Библия! – воскликнул я с торжеством.

– Так, хорошо!.. Впрочем, эта догадка, к сожалению, отпадает. Ведь именно Библию труднее всего представить на руках у кого-либо из сподвижников Мориарти. Кроме того, различных изданий Библии существует такое множество, что он не мог рассчитывать на наличие у меня экземпляра с одинаковой нумерацией страниц. Нет, он ссылается на нечто более определенное, он знает наверняка, что указанная им страница окажется тождественной моей пятьсот тридцать четвертой странице.

– Однако книг, отвечающих всем этим условиям, очень немного?

– Верно. И именно в этом наше спасение. Наши поиски должны быть теперь ограничены книгами с постоянной нумерацией страниц, и притом такими, которые обычно есть у всех.

– Какой-нибудь ежемесячник.

– Bravo, Уотсон! Ежегодник! Возьмем номер “Ежегодника Уайтэкера”. Он очень распространен. В нем имеется нужное количество страниц. И отпечатан он в два столбца. – Холмс взял томик с книжной полки. – Вот страница пятьсот тридцать четвертая... столбец второй... о бюджете и торговле Британской Индии. Записывайте слова, Уотсон. Номер тринадцатый – “Махратта”: Боюсь, начало разгадывания шарады не особенно благоприятное. Сто двадцать седьмое слово – “правительство”. Здесь уже есть какой-то смысл, имеющий, правда, мало отношения к нам и к профессору Мориарти. Теперь посмотрим далее. Что же делает правительство Махратты? Увы! Следующее слово – “перья”. Неудача, милый Уотсон. Приходится поставить точку.

Холмс говорил шутливым тоном, но его нахмуренные брови свидетельствовали о степени его разочарования. Я сидел тоже огорченный, глядя на огонь в камине. Воцарившееся молчание было нарушено неожиданным возгласом Холмса, появившегося из-за дверцы книжного шкафа с потрепанным томиком в руке.

– Мы поплатились, Уотсон, за свою поспешность. Сегодня седьмое января, и мы взяли только что вышедший номер ежегодника. Но более чем вероятно, что Порлок использовал для своего послания прошлогодний номер. Без сомнения, он сообщил бы нам об этом, если бы

второе его письмо было им написано. Теперь посмотрим, на что нам укажет страница пятьсот тридцать четвертая. Тринадцатое слово – “имею”, сто двадцать седьмое – “сведения”. Это сулит многое. – Глаза Холмса возбужденно сверкали. – “Опасность”. Отлично! Запишите, Уотсон: “имею сведения – опасность – может угрожать – очень – скоро – некий”. Дальше у нас имя “Дуглас”. “Богатый – помещик – теперь – в – Бирлстоун – замок – Бирлстоун – уверять – она – настоящая”. Все, Уотсон! Что вы скажете о методе чистого разума и его результатах?».

(*Долина ужаса*)

Второй возможный сценарий работы сыщика является более распространенным и охватывает все случаи, когда собранные факты не являются исчерпывающими и их удовлетворительное объяснение требует поиска новых фактов, подтверждающих или опровергающих ранее выдвинутые версии, или создания новых версий. В этом случае решающую роль играет искусство выдвижения убедительных предположений с помощью поиска новых улик. Следующий отрывок из рассказа *Пестрая лента* описывает ситуацию, когда услышанного Холмсом рассказа о подробностях преступления оказалось недостаточно для формирования даже предварительной версии, и он планирует с Уотсоном отправиться на место происшествия, чтобы собрать дополнительные факты.

«Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно темное.

– Но если наша гостя права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна...

– В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

– Но тогда при чем здесь цыгане?

– Понятия не имею.

– У меня все-таки есть множество возражений...

– Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть их удастся прояснить». (*Пестрая лента*)

Несмотря на указанное различие оба сценария работы сыщика с фактами фундаментально зависят друг от друга. Для того чтобы выводить следствия, нужны обоснованные предположения о причинах совершенного преступления. Чтобы выдвинуть обоснованное предположение, необходима критическая масса фактов, исключая все предположения, кроме одного, которое и становится рабочей версией расследования.

Все сказанное выше о принципах и задачах «науки дедукции» суммируется ниже в виде специальных правил, которые можно приравнять к алгоритму применения «науки дедукции» на практике – научном или криминальном расследовании.

1.4. Пятнадцать правил «науки дедукции»

Первое правило. *Всякое расследование следует начинать со сбора фактов – объективных и субъективных свидетельств происшедшего преступления. Выдвижение версий до появления таких фактов запрещается.*

«Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника» (Черный Питер). «У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, – значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах» (Скандал в Богемии);

Второе правило. *При сборе фактов особое внимание уделяется тем фактам, которые позволяют восстановить действия участников происшествия в мельчайших подробностях.*

«Все мы с глубоким интересом слушали этот рассказ о ночных событиях, которые Холмс восстановил по приметам столь незаметным и малозначительным, что, даже видя их воочию, мы едва могли следить за ходом его рассуждений» (Постоянный пациент).

Третье правило. *Хотя факты и составляют независимую часть расследования, их интерпретация зависит от той версии, которой придерживается в данное время сыщик как основной.*

«Стоит только измениться вашей точке зрения, как именно то, что ранее казалось изобличающей уликой, станет ключом к разгадке. Так и с этим револьвером. Мисс Данбэр утверждает, что вообще не знает ни о каком револьвере. По нашей новой теории в этом случае она говорит правду. Значит, к ней в шкаф его подложили. Кто? Некто, стремившийся обвинить ее в преступлении. Не является ли это лицо фактическим преступником? Видите, наши поиски сразу стали намного плодотворнее!» (Загадка Торского моста).

Четвертое правило. *Из всех фактов для формирования рабочей версии отбираются прежде всего те, которые устанавливают причинно-следственную связь между преступлением и преступником. Такие факты называются существенными для расследования.*

«Раскрыть это дело было трудно главным образом потому, – заметил своим менторским тоном Холмс, – что скопилось слишком много улик. Важные улики были погребены под кучей второстепенных. Из всех имеющихся фактов надо было отобрать те, которые имели отношение к преступлению, и составить из них картину подлинных событий» (Морской договор); «Так вот, Уотсон, имея в своем распоряжении столько фактов, вы должны прийти к правильному заключению» (Знак четырех).

Пятое правило. *Если какой-нибудь отдельный факт противоречит множеству согласующихся друг с другом и независимо доказанных остальных фактов, следует изменить его интерпретацию на противоположную.*

«Шерлок Холмс глубоко вздохнул и отер со лба пот. – Надо больше доверять себе, – сказал он. – Пора бы мне знать, что если какой-нибудь факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит, его можно истолковать иначе» (Этюд в багровых тонах). На современном языке данное правило означает, что опровергающие основную версию расследования факты слепо не отбрасываются, а по мере возможностей переинтерпретируются в подтверждающие примеры. Каждая такая переинтерпретация только усиливает степень обоснованности рабочей версии.

Шестое правило. *Следует выдвигать только такие версии, которые объясняют все без исключения имеющиеся на данный момент факты по рассматриваемому делу. При появлении новых фактов, лишь частично совместимых с рабочей версией расследования, последняя подлежит обязательному уточнению до их полного объяснения.*

«Это – чистое предположение, – сказал я (Уотсон – В. С.). – Больше чем предположение (ответ Холмса. – В. С.). Это гипотеза, которая объясняет все без исключения факты»; «Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение» (*Знак четырех*); «Что вы скажете об этой гипотезе? (вопрос Холмса Уотсону. – В. С.) – В ней все предположительно. – Зато она увязывает все факты. Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы успеем ее пересмотреть» (*Желтое лицо*).

Седьмое правило. *Версия, для которой существует хотя бы один опровергающий ее независимо установленный факт, безжалостно отбрасывается.*

«Я (Шерлок Холмс. – В. С.) никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило» (*Знак четырех*). Когнитивное противоречие между твердо установленным фактом и рабочей версией расследования, которая не может его объяснить, разрешается всегда в пользу факта.

Восьмое правило. *При выдвижении версии следует особое внимание обращать на то, объясняет ли она среди прочего странные, или аномальные, факты. Если окажется, что не объясняет, следует ее отбросить и придумать новое, более общее объяснение.*

«Это широкое обобщение. Посмотрим, к чему оно нас приведет. Они изобрели Долину ужаса. Потом поставили велосипед в парке как доказательство присутствия кого-то извне. Пятно на подоконнике подтверждает эту мысль так же, как и карточка у трупа, заготовленная кем-то в доме. Все это работает на вашу гипотезу, Уотсон. Но обратимся к тем странным фактам, которые никак не находят себе места в ваших построениях. Почему из всех возможных видов огнестрельного оружия была выбрана спиленная двустволка, вдобавок американская? Как могли они быть уверены, что шум ее выстрела никого не привлечет? Ведь слепое счастье, что миссис Элен не поинтересовалась причиной захлопнувшейся двери. Почему преступная парочка поступила именно таким образом, Уотсон?

– Признаюсь, не могу объяснить это.

– Пойдем дальше. Если женщина и ее любовник сговорились совершить преступление, зачем им было его афишировать, сняв обручальное кольцо с убитого? Кажется ли вам все это вероятным, Уотсон?

– Нет, не кажется.

– И опять-таки, если мысль оставить велосипед, спрятанный снаружи, пришла бы вам в голову, то вы тотчас же, вероятно, отказались бы от такой уловки, поскольку велосипед – самая нужная в данном случае вещь для человека, принужденного спасаться бегством.

– У меня нет никаких объяснений» (*Долина ужаса*).

Девятое правило. *Версии, которые построены на недостаточном числе фактов, рано или поздно будут опровергнуты.*

«Видите ли, обычно сочиняешь себе пробную гипотезу и ждешь, пока время или полное знание вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку» (*Вампир в Суссексе*).

Десятое правило. *Пока основная версия преступления не доказана, нельзя исключать из анализа и проверки ни одно из альтернативных объяснений. Любое из них может в будущем оказаться истинным.*

«Всегда возможно альтернативное решение задачи, и надо искать его. Это первое правило уголовного следствия» (*Черный Питер*); «Ладно, ладно, – добродушно сказал Холмс, – мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду альтернативное решение. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что даже не

вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и есть убийца Питера Кери» (*Черный Питер*); «Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, – иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу» (*Серебряный*).

Одиннадцатое правило. *Неправдоподобные версии никогда не осуществляются.*

«Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэръ, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что это именно он – тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером?» (*Черный Питер*).

Двенадцатое правило. *Все противоречивые версии или версии, противоречащие независимо установленным фактам, исключаются как невозможные. Версия, все альтернативы которой были исключены и которая затем получила фактическое подтверждение, превращается из субъективного предположения сыщика в объективную истину доказательства.*

«Сколько раз я (обращение Холмса к Уотсону. – В. С.) говорил вам, отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался» (*Знак четырех*). «Размышляя над всей этой историей, я (Шерлок Холмс. – В. С.) исходил из предпосылки, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный» (*Человек с белым лицом*). «Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покинули Бейкер-стрит, – здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение» (*Вампир в Суссексе*).

Тринадцатое правило. *Когда одно и то же утверждение становится заключением двух независимых доказательств, вероятность его истинности близка к максимальной.*

«Теперь взглянем на дело с другой стороны. Когда два пути, по которым развивалась мысль, скрещиваются, точка пересечения дает максимальное приближение к истине» (*Исчезновение леди Френсис Карфэкс*).

Четырнадцатое правило. *Чтобы сформулировать истинную версию, сыщик должен уметь предвидеть мотивы и действия преступника, которого он разыскивает. С этой целью ему необходимо уметь отождествлять себя с тем, кого он пытается поймать. Иными словами, сыщик должен уметь рассуждать рефлексивно.*

«Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах» (*Обряд дома Месгрейвов*); «Чтобы добиться успеха, инспектор, надо всегда стараться поставить себя на место другого и вообразить, как поступили бы вы сами. Тут требуется известная доля фантазии, но это окупается» (*Москательщик на покое*); «Тогда давайте поставим себя на место Джонатана Смолла. Посмотрим на дело с его точки зрения» (*Знак четырех*); «Последовательность событий ясна для меня, как будто я сам здесь присутствовал» (*Постоянный пациент*). «Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я (Холмс. – В. С.) так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами» (*Серебряный*).

Пятнадцатое правило. *При формировании и оценке правдоподобия версий сыщик должен исключать любое влияние на этот процесс личных симпатий и антипатий.*

«Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! – воскликнул я (Уотсон. – В. С.). – Вы иногда просто поражаете меня! Холмс мягко улыбнулся. – Самое главное – не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня – некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, которую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей» (*Знак четырех*).

2. Анатомия «науки дедукции» Шерлока Холмса

Существует объективная причина, по которой система правил «науки дедукции» Шерлока Холмса кажется многим читателям и аналитикам эффективной, но неясной и неопределенной. Дело в том, что она выполняет функции трех связанных друг с другом, но достаточно автономных логических теорий – теории абдукции (правил открытия нетривиальных гипотез), теории дедукции (правил вывода необходимых следствий из гипотез и фактов) и теории индукции (правил подтверждения и опровержения гипотез). «Наука дедукции» используется Шерлоком Холмсом и для абдукции версий, и для дедукции из них необходимых следствий, и для индукции основной версии. Одновременно «наука дедукции» выражает принцип фундаментальной связи перечисленных функций, получивший в науке специальное название, – гипотетико-дедуктивного метода.

Рассмотрим более подробно указанные функции «науки дедукции» и базисный принцип их единства и последовательного применения.

Примем соглашение, что употребляемые ниже понятия «версия», «гипотеза» и «предположение» – синонимы.

2.1. «Наука дедукции» как абдукция нетривиальных версий расследования

Термин «абдукция» был введен в научный оборот американским философом, логиком и математиком Чарльзом Пирсом (1839–1914) для обозначения процесса открытия (изобретения) правдоподобных гипотез при объяснения фактов, интересующих исследователя. С тех пор стадию открытия нового знания, научного и иного, стали называть абдукцией⁶.

Поясним понятие абдукции на элементарном примере и затем сформулируем ее основной закон.

Допустим, монета подбрасывалась три раза, и все три раза выпал герб. При этом точное значение вероятности выпадения герба не известно. Обозначим это событие как $\Gamma_3 = \Gamma * \Gamma * \Gamma$ и попытаемся сформулировать несколько альтернативных гипотез о его возможной причинно-точном значении вероятности выпадения герба. Выдвинем три объясняющие гипотезы: $H_1 =$ «вероятность герба равна 1»; $H_{1/2} =$ «вероятность герба равна 1/2»; $H_{3/4} =$ «вероятность герба равна 3/4». Вычислим их правдоподобия относительно свершившегося события Γ_3 :

Правдоподобие гипотезы H_1 относительно события $\Gamma_3 =$ вероятность события Γ_3 при условии истинности $H_1 = 1 * 1 * 1 = 1$.

Правдоподобие гипотезы $H_{1/2}$ относительно события $\Gamma_3 =$ вероятность события Γ_3 при условии истинности $H_{1/2} = 1/2 * 1/2 * 1/2 = 1/8 = 0,125$.

Правдоподобие гипотезы $H_{3/4}$ относительно события $\Gamma_3 =$ вероятность события Γ_3 при условии истинности $H_{3/4} = 3/4 * 3/4 * 3/4 = 27/64 = 0,422$.

Сравнивая численные значения правдоподобия разных гипотез, видим, что гипотеза H_1 наиболее правдоподобна. Так как доказывается, что большее правдоподобие гипотезы всегда влечет ее большую вероятность, то более всего вероятнее, что H_1 указывает истинную причину, т. е. подлинное значение вероятности выпадения герба.

Законом абдукции, т. е. законом открытия причинной, или объясняющей гипотезы служит, следовательно, требование:

Закон абдукции. *Всегда следует предпочитать ту гипотезу, которая наиболее правдоподобна относительно данных фактов. Ибо в этом случае вероятнее всего именно она обозначает причину данных фактов, или, что то же, эти факты представляют ее необходимое следствие.*

Абдукция не дает достоверных заключений, лишь правдоподобные, так как зависит от достоверности и количества собранных фактов и качества выдвинутых гипотез. Но зато она служит основным правилом творческого решения всех научных и прочих проблем.

Абдукция связана с интересным мировоззренческим допущением: ни один факт не дан исследователю в «чистом», т. е. без некоторого интерпретирующего его и придающему ему смысл предположения. Проще говоря, никаких «чистых», абсолютно объективных фактов, допускающих одну единственную интерпретацию, не существует. Один и тот же факт всегда имеет множество различных, часто несовместимых смыслов. Для одних людей религиозная символика – предмет поклонения и веры, для вторых людей – предмет эстетического наслаждения, для третьих, – предмет научного изучения, для четвертых – предмет коммерции, для пятых – признак духовного порабощения. Третье правило «науки дедукции» Холмса вводит данное допущение в явном виде.

⁶ Пик интереса к абдукции приходится на 90-е годы прошлого столетия. Причина в интересе специалистов по искусственному интеллекту к формализации творческих функций человека.

Одиннадцатое правило «науки дедукции» Шерлока Холмса воспроизводит основное содержание закона абдукции. Именно в соответствии с этим законом Холмс делал точные и поражающие всех выводы на основании наблюдений. Ему не нужно было вычислять точные значения правдоподобия своих гипотез, как в приведенном выше примере. Достаточно было сравнить предположение со своим логическим отрицанием, т. е. всеми своими возможными альтернативами, по принципу «правдоподобно- не правдоподобно». Если предположение оказывалось более правдоподобным, чем его отрицание, оно принималась, а его отрицание отбрасывалось. Это и означает в терминологии Холмса «сделать вывод на основании наблюдения». Приведенный выше закон абдукции он использовал в следующей формулировке:

Закон абдукции Шерлока Холмса. *Следует исключать из анализа все предположения, которые неправдоподобны в качестве причин анализируемых фактов.*

Согласно десятому правилу «науки дедукции» маловероятные версии нельзя исключать без достаточных оснований. Не противоречит ли данное правило закону абдукции? Нет, потому что целью абдукция является выдвижение новых предположений, изобретение нового знания, но не доказательство его истинности. Проверка гипотез и обоснование их истинности – прерогатива теории индукции.

Чтобы прояснить содержание закона абдукции Холмса, рассмотрим типичное абдуктивное рассуждение сыщика и ученого на конкретном примере.

Интересно, что он там высматривает? – спросил я (доктор Уотсон. – В. С.), показывая на дюжего, просто одетого человека, который медленно шагал по другой стороне улицы, вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт – очевидно, это был посыльный.

– Кто, этот отставной флотский сержант? – сказал Шерлок Холмс...

– Как же вы догадались? – спросил я.

– О чем? – хмуро отозвался он.

– Да о том, что он отставной флотский сержант?..

– Мне легче понять, чем объяснить, как я догадался... Даже через улицу я заметил на его руке татуировку – большой синий якорь. Тут уже запахло морем. Выправка у него военная, и он носит баки военного образца. Стало быть, перед нами флотский. Держится он с достоинством, пожалуй, начальственно. Вы должны были бы заметить, как высоко он держит голову и как помахивает своей палкой, а с виду он степенный мужчина средних лет – вот и все приметы, по которым я узнал, что он был сержантом» (*Этюд а багровых тонах*).

Благодаря своей способности наблюдать Холмс быстро подметил основные приметы и составил из них сложный факт E = «этот человек сильный, степенный, средних лет, просто одет, имеет морскую татуировку, военную выправку, баки военного образца, держится начальственно, служит посыльным».

Предположение Холмса представляет гипотезу H = «этот человек – отставной сержант флота». Здесь возникают два вопроса. Во-первых, почему появилась именно эта гипотеза? Во-вторых, доказывается ли она установленным фактом? Рассуждая абдуктивно, Холмс исходил из того, что гипотеза, претендующая на статус истинной, должна быть более правдоподобной, чем ее возможные альтернативы относительно рассматриваемых фактов. Но именно выдвинутая гипотеза и отвечает данному требованию. В самом деле, не быть отставным сержантом флота и иметь при этом морскую татуировку, военную выправку, баки военного образца, быть средних лет, держаться начальственно, служить посыльным выглядит маловероятным сочетанием. Однако перечисленные приметы вместе становятся весьма правдоподобными при допущении, что данный человек когда-то был сержантом флота.

Рассуждения Холмса можно представить в виде последовательности автоматически благодаря накопленному опыту совершенных дихотомических выборов. Назовем такую последовательность абдуктивным выводом.

- 1) Этот человек – мужчина (первая примета).
- 2) Этот человек имеет морскую татуировку (вторая примета).
- 3) Правдоподобно допущение, что этот мужчина – моряк и неправдоподобно, что он не моряк. Значит, этот человек – моряк (первое абдуктивное заключение).
- 4) Этот моряк имеет военную выправку и носит баки военного образца (третья примета).
- 5) Правдоподобно допущение, что этот моряк служил на военном флоте и неправдоподобно, что он плавал на гражданских судах. Значит, этот моряк – военный моряк (второе абдуктивное заключение).
- 6) Этот военный моряк – средних лет, держится начальственно и служит в настоящее время посыльным (четвертая примета).
- 7) Правдоподобно допущение, что этот военный моряк служил когда-то сержантом и неправдоподобно, чтобы он не имел младшего воинского звания. Значит, этот военный моряк – отставной сержант военно-морского флота (третье и окончательное абдуктивное заключение).

Абдуктивный вывод Холмс жестко отделяет от гадания на том основании, что последнее по своей природе не выводом из фактов, более того не нуждается в них и никогда не стремится к их установлению. Согласно первому правилу «науки дедукции» выдвижению версии обязательно должен предшествовать процесс поиска и анализа фактов. «Но это не просто догадка? (вопрос Уотсона Холмсу. – В. С.) – Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить» (*Знак четырех*).

2.2. «Наука дедукции» как искусство дедукции необходимых следствий

Изобретателем теории дедукции считается древнегреческий философ и логик Аристотель (384–322 до н. э.). Созданная им теория силлогизма представляет исторически первую теорию дедуктивного вывода. Аристотелю мы обязаны пониманием основного назначения дедукции – вывода необходимых следствий, а также ее основного закона.

Вывод необходимых следствий, называемых заключением, из какой-либо мысли, называемой посылкой, проводится, как правило, для: (1) развития ее содержания; (2) объяснения с ее помощью каких-нибудь фактов; (3) извлечения решающих для ее обоснования предсказаний.

Допустим, дана посылка «это число равно 4». Сформулируем два следствия – «это число справедливое» и «это число четное». На вопрос, какое из них следует признать необходимым относительно приведенной посылки, большинство читателей (за исключением, может быть, последователей Пифагора), ответят – второе. Этот ответ будет верным, потому что из отрицания первого следствия не следует с необходимостью ни истинность, ни ложность посылки. А из отрицания второго следствия необходимо следует ложность посылки.

Приведем наши рассуждения в более строгой форме:

Если это число равно 4, то оно несправедливое; но оно несправедливое; следовательно, данное число может быть равным как 4, так и любому другому числу.

Если это число равно 4, то оно четное; но оно нечетное; следовательно, это число не равно 4.

Законом дедукции, следовательно, служит следующее требование:

Закон дедукции. *Относительно данных посылок то заключение является необходимым, из отрицания которого следует отрицание по крайней мере одной из посылок.*

Согласно двенадцатому правилу «науки дедукции» Холмс использовал закон дедукции в форме, аналогичной повторяемому на разные лады утверждению «мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась» (*Берилловая диадема*), в которых признак «невозможное» служит синонимом признака «противоречивое». К этому следует добавить еще одно основание исключения версий, из которого исходил Холмс, невозможным следует также считать все то, что относится к области чудесного. «Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен» (*Серебряный*).

Иными словами, закон дедукции интерпретировался Холмсом в виде следующего объединенного требования:

Закон дедукции Шерлока Холмса. *Если имеются достоверные факты, следует исключать все, что с ними несовместимо (приводит к противоречию), а также все то, что относится к области чудесного. Все, оставшееся неисключенным, будет представлять их необходимое следствие.*

Холмс активно использовал закон дедукции для исключения ложных версий. Рассмотрим пример, поясняющий это заключение.

«У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, – сказал Холмс. – Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

– У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, – сказал он. – Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу, и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

– Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

– Съесть? – Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

– Да ведь он все равно испортился бы, – продолжал Холмс. – Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

– О, конечно, конечно! – ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

– Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зуб, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

– Разве только на память о моем приключении, – сказал он. – Право, не знаю, на что мне могут пригодиться *disjecta membra* (останки. – В. С.) моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете. Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами...

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

– С Генри Бейкером покончено, – сказал Холмс, закрывая за ним дверь.

– Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне» (*Голубой карбункул*).

В зобу гуся, которого Генри Бейкеру, посетителю Холмса, в спешке пришлось бросить вместе со шляпой, чтобы убежать от напавших хулиганов, нашли дорогой алмаз. Холмс решил выяснить, знает ли Генри Бейкер о существовании драгоценного камня. Холмс строит два противоречащих друг другу предположения: «Генри Бейкер знает о существовании камня» и «Генри Бейкер ничего не знает о существовании камня» и проводит мысленный следственный эксперимент для опровержения одного из них. Холмс рассуждал так: если Бейкер знает о драгоценном камне, он постарается любым способом забрать останки брошенного гуся. Но Бейкер проявил к ним полное и искреннее равнодушие. Следовательно, делает вывод Холмс, Бейкер ничего не знает о существовании драгоценного камня и никак не причастен к его краже.

Поскольку только факты, будучи доказанными утверждениями о конкретных свойствах вещей, обстоятельств и событий, необходимо исключают общие предположения, то понятен смысл требований (1)-(5) «науки дедукции». Тщательный подбор фактов – основа основ для исключения ложных версий и подтверждения истинных. Ничто другое не способно выполнить эту задачу.

2.3. «Наука дедукции» как индукция обоснованной версии расследования

Конан Дойль жил в то время, когда создавалась не только новая, символическая, дедуктивная логика, но и новая, вероятностная, индуктивная логика. Творцами и пропагандистами последней были математики, физики, логики и методологи науки Томас Байес, Пьер Симон Лаплас (1749–1827), Джон Фредерик Уильям Гершель (1738–1822), Август де Морган (1806–1871), Уильям Стенли Джевонс (1835–1882). Ядро новой теории индукции составляет концепция обратной вероятности – техника вычисления вероятностей гипотез о причинах на основании их следствий и все методологические допущения, обосновывающие ее применение.

Прямое применение теории вероятностей предполагает знание причин, т. е. вероятностей, до знания их следствий, наблюдаемых в опыте событий, и вычисление вероятностей последних на основании известных причин. Если, например, мне известно, что вероятность выпадения герба подбрасываемой монеты равна $1/2$, то мне легко доказать, что вероятность пятикратного выпадения герба в пяти бросаниях монеты равна $1/32$.

Но ситуация, когда вероятности причин известны и необходимо лишь вычислить вероятности их следствий, не характерна для научного познания и расследования преступлений. Гораздо чаще приходится устанавливать причины по их наблюдаемым следствиям – фактам, следам и приметам. «Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я (Шерлок Холмс. – В. С.) полагаю, что мы попали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие» (*Пестрая лента*).

Допустим, собраны достоверные факты, которые исключают все альтернативные гипотезы, кроме одной. Чтобы неисключенную гипотезу признать необходимо истинной, необходимо, конечно, чтобы она объясняла все имеющиеся факты. Но этого мало. Также необходимо чтобы из нее можно было дедуцировать следствие, называемое решающим, которое предсказывает факт, не совпадающий с объясняемыми. Если такое предсказание подтверждается, то получает окончательное подтверждение и гипотеза. Окончательное потому, что этот решающий эксперимент, подтверждая проверяемую гипотезу, одновременно опровергает все ее не только фактические, но и мыслимые альтернативы. Если нет, проверяемая гипотеза опровергается, и так как решающий эксперимент опроверг последнюю гипотезу из списка проверяемых, этот список пересматривается и уточняется.

Допустим, неисключенными оказались несколько гипотез. Тогда каждая из них потенциально может оказаться истинной. В этом случае истинной гипотезой считается снова та, для которой решающее предсказание окажется более весомым, чем аналогичные предсказания для всех остальных. «Размышляя над всей этой историей, я (Шерлок Холмс. – В. С.) исходил из предпосылки, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный» (*Человек с белым лицом*). Сравнение и выбор одной из гипотез, оставшихся неисключенными, предполагает умение вычислять вероятности гипотез. «Мы, кажется, вступили в область догадок, – заметил доктор Мортимер. – Скажите лучше (ответ Холмса д-ру Мортимеру. – В. С.) – в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе, с которой начинается наше размышление» (*Собака Баскервилей*).

Рассмотрим для ясности элементарный пример с бросанием монеты. Допустим, вероятность выпадения герба не известна, но имеется две изначально равновероятные гипотезы относительно точного значения этой вероятности – $H_{1/2}$ и H_1 . Для предпочтения одной из них проведем решающий эксперимент – бросим монету. Вопрос: как изменятся вероятности гипотез, если выпадет герб, т. е. будет истинно событие Γ ? Правдоподобие $H_{1/2}$ относительно этого события равно $1/2$. Правдоподобие H_1 относительно данного события равно 1. Вероятности сравниваемых гипотез равны их правдоподобию, деленному на сумму правдоподобий обеих гипотез. Это означает, что вероятность $H_{1/2}$ равна $1/2 : 3/2 = 1/3$ и вероятность H_1 — $1 : 3/2 = 2/3$. Так как вероятность гипотезы H_1 на основании выпадения герба выше вероятности гипотезы $H_{1/2}$, предпочтение должно быть отдано первой как более убедительной с шансами 2 к 1. Для увеличения степени убедительности монету можно бросить еще несколько раз.

В приведенном примере нет окончательного подтверждения одной из гипотез: каждая сохраняет шансы оказаться истинной, но эти шансы не равны.

В целом справедлив следующий закон индукции:

Закон индукции. *Степень подтверждения истинной гипотезы всегда увеличивается, а степень подтверждения ее альтернатив всегда уменьшается, когда дедуцируемые из нее предсказания подтверждаются.*

Гипотеза получает максимальное подтверждение тогда, когда подтверждается решающее для нее предсказание.

Нет ни одного произведения Конан Дойля, посвященного Шерлоку Холмсу, в котором детектив использовал бы технику исчисления вероятностей. Но это не означает, что Холмс вообще не применял закон индукции в качестве методологического принципа. В тот момент, когда у него рождалась основная версия, в истинности которой он уже не сомневался, он тем не менее всегда искал для нее решающее подтверждение, часто в форме проведения специального эксперимента. Проанализируем показательный отрывок из рассказа (*Пестрая лента*).

«Я (Уотсон. – В. С.) вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте...

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалившегося металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Уотсон? – проревел он. – Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

– Что это значит? – спросил я, задыхаясь.

– Это значит, что все кончено, – ответил Холмс. – И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта...

Я (Холмс разъясняет Уотсону ход своих заключений. – В. С.) уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с мертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалит ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдо с молоком и плетень, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи – вы, конечно, тоже слышали его, – я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

– Вы прогнали ее назад в вентилятор...

– ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримеби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть» (*Пестрая лента*).

В приведенном отрывке ключевой фразой служит утверждение Холмса «Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта». Это означает, что он уже знал, кто – убийца. Собранных и систематизированных фактов для подобного заключения было достаточно. Но Холмсу требовалось окончательное подтверждение своей версии – необходимо было поймать преступника с поличным. С этой целью он вместе с Уотсоном остался на ночь в комнате мисс Стоунер, убийство которой запланировал ее отчим, доктор Ройлотт. Так получилось, что убийца сестры мисс Стоунер на самом себе продемонстрировал исполнение своего хитроумного замысла, что не только полностью и окончательно подтвердило версию Холмса, но и наказало преступника.

2.4. «Наука дедукции»: абдукция, дедукция и индукция как функции единого научного вывода

Только в абстрактном анализе абдукция, дедукция и индукция нового знания допускают раздельное рассмотрение и применение. На самом деле они связаны друг с другом общим циклом изобретения, развития и проверки нового знания, который в методологии науки получил особое название – научного вывода (НВ). Во второй половине XX столетия распространение получило важное обобщение НВ – байесовская модель научного познания, которая позволяет испытывать как одну, так и бесконечное множество гипотез, вычислять как вероятности причина на основании их следствий, так и совершать обратную операцию – вычислять вероятности следствий на основании их причин⁷.

НВ часто называют методом (изобретения, развития и испытания) гипотез. Он возник Античности, получил развитие в эпоху Возрождения, но его интенсивное изучение началось во второй половине XIX столетия, именно в то время, когда жил и творил Конан Дойль. Отметим, что в это время НВ был известен под названием гипотетико-дедуктивного метода научного познания. Нет никакого сомнения, что создатель легендарного сыщика был знаком хотя бы в популярном изложении с основными принципами НВ и пытался использовать их в историях о Шерлоке Холмсе, создав, таким образом, неповторимую литературно-криминальную версию этого метода.

Суть НВ легче всего понять в сравнении с его «антиподом» – аксиоматическим методом построения теорий, часто применяемым в науках, достигших высокой степени абстракции, прежде всего в математике. Согласно аксиоматическому методу конструирование научной теории должно начинаться с формулировки интуитивно очевидных и тем самым абсолютно достоверных утверждений о свойствах и отношениях объектов, называемых аксиомами. Аксиомы обозначают необходимые свойства всех без исключения объектов, подлежащих исследованию данной теорией. Например, аксиомы, приведённые Евклидом в «Началах», определяют в качестве необходимых свойств всех геометрических объектов следующие «наглядно очевидные» признаки:

1. Через каждые две точки можно провести ровно одну прямую.
2. Вдоль любого отрезка можно провести прямую.
3. Имея отрезок, можно провести окружность так, что отрезок – радиус, а один из его концов – центр окружности.
4. Все прямые углы равны.
5. Через точку А вне прямой а в плоскости, проходящей через А и а, можно провести лишь одну прямую, не пересекающую а.

Располагая аксиомами, ученому необходимо лишь научиться выводить из них необходимые следствия, т. е. доказывать теоремы. Из конечного числа аксиом потенциально выводимо бесконечное число теорем. Так как аксиомы по определению истинны, то если вывод построен корректно, теорема также будет истинна. Проще говоря, истинность аксиом с необходимостью переносится правильно построенным дедуктивным выводом на все теоремы, которые можно из них вывести. Нет необходимости специально доказывать истинность аксиом, так как они истинны в силу своей самоочевидности (невозможности своего отрицания). Нет нужды ставить опыты для проверки истинности теорем. Необходимая истинность аксиом полностью гарантирует при соблюдении надлежащих правил дедуктивного вывода истинность всех своих следствий. Именно это свойство независимости как аксиом, так и теорем от опыта составляет глав-

⁷ См.: Светлов В.А. Теория научного вывода. М.: Флинта. 2024.

ное преимущество аксиоматического метода и привлекает внимание к нему тех ученых, для кого проблема опыта не актуальна, – прежде всего математиков и логиков⁸.

Однако подавляющая часть теорий не может быть построена аксиоматическим способом по той причине, что для них не истинность аксиом, а подтверждение их следствий в опыте является решающим условием истинности. Существуют разнообразные области знания, которые приобретаются и развиваются только в опыте и благодаря опыту. Например, только в опыте мы узнаем, что сахар – сладкий, Луна – спутник Земли, Федя любит Машу, а Маша любит Сашу. Поэтому в науках о природе и общественных явлениях затруднительно определение первых принципов как необходимо истинных аксиом. Но эти принципы можно сформулировать в виде гипотез – свободных творений ума, содержащих предположительное объяснение или решение научной задачи (убедительную версию криминального происшествия). Правда, все гипотезы, независимо от того, насколько они убедительны, обязаны жестко подчиняться опыту; теперь он, а не аксиомы, – главный и единственный судья истинности гипотез. Если гипотеза не опровергается опытом, она считается правдоподобной, но только до нового испытания, которое имеет полное право ее опровергнуть. Ни одна гипотеза не может иметь статус аксиомы.

К научному выводу относится и искусство расследования преступлений. Здесь вместо гипотез говорят о версиях, вместо аномальных фактов – о криминальных происшествиях.

Именно для наук, предназначенных для познания природы и общественных явлений, и была создана концепция НВ. Согласно этой концепции можно исходить из любой гипотезы, лишь бы она объясняла аномальные факты и не противоречила опыту. При этом новая гипотеза вполне может вступить в противоречие с некоторыми старыми теоретическими положениями (версиями).

Функции изобретения нового знания, дедукции его содержания и его обоснования в опыте объединяются НВ в один общий цикл научного познания (криминального расследования).

Пока нет аномальных фактов (происшествий), нет нужды в научном исследовании (криминальном расследовании). Причина очевидна: все факты либо уже объяснены, либо легко объясняются в терминах проверенных гипотез.

Совсем другая ситуация возникает, когда ученому (криминалисту) попадает факт (происшествие), который не объясняется ни одной из известных ему гипотез. Поиск (конструирование) нужной гипотезы становится началом научного исследования (криминального расследования).

Исследуя свойства аномального факта, ученый начинает изобретать гипотезы, причем ему разрешается исходить из любых предположений, кроме логически ложных. Правила изобретения гипотез следующие.

Во-первых, придумываемые гипотезы не должны быть логически противоречивыми, так как в противном случае они лишаются всякой познавательной ценности.

Во-вторых, изобретаемые гипотезы должны быть совместимы с принципиальными теоретическими установками ученого, т. е. не должны быть случайными. При этом они могут быть несовместимы с отдельными теоретическими положениями, которые в случае истинности изобретенной гипотезы будут считаться опровергнутыми.

В-третьих, изобретаемые гипотезы должны объяснять и предсказывать все ранее установленные факты, т. е. должны как минимум обладать такой же объяснительной и предсказательной способностью, что и прежнее теоретическое знание.

⁸ Следует, однако, помнить, что истинность даже математических аксиом, хотя и опосредованно, зависит все-таки от опыта. Известный пример с открытием неевклидовых геометрий и возможностью сформулировать аксиомы, несовместимые с пятой аксиомой Евклида, иллюстрирует справедливость этого утверждения.

В-четвертых, формируемые гипотезы должны объяснять аномальные факты и предсказывать некоторые новые факты (факты нового вида), что считается решающим признаком их научной плодотворности (информативности).

Наконец, необходимо стремиться, чтобы список изобретаемых гипотез был полным, т. е. включал истинную гипотезу. Для этого гипотезы должны исключать друг друга, а вместе исчерпывать все возможные решения исходной проблемы. Например, И. Кеплеру пришлось выдвинуть 19 гипотез о возможной траектории Марса вокруг Солнца, одна из которых (движение по эллипсу) оказалась истинной. Следовательно, множество гипотез И. Кеплера было полным.

Выполнение данных правил гарантирует, что все сконструированные гипотезы объясняют и предсказывают не меньше, чем прежняя теория; дополнительно объясняют аномальные факты; не являются противоречивыми и совместимы с некоторыми фундаментальными положениями; что одна из них обязательно истинна. Посредством испытания осталось установить, какой из гипотез следует отдать предпочтение. Эта часть применения НВ подчиняется закону абдукции.

Для каждой проверяемой гипотезы, которая объясняет аномальный факт, устраивается испытание. С этой целью ученый дедуцирует из нее нужное предсказание и наблюдает, осуществится оно или нет. Если предсказание не подтверждается, гипотеза отвергается. Данную процедуру он проделывает для каждой неисключенной гипотезы. Эта часть применения НВ подчиняется закону дедукции.

Если несколько гипотез выдерживают испытание, ученый либо проводит решающее испытание, чтобы оставить одну, либо сравнивает их по степени убедительности объяснения и выбирает наиболее убедительную. Эта часть цикла подчиняется закону индукции.

Выдержавшая испытание гипотеза либо становится новой теорией, либо присоединяется к старой как ее необходимая часть.

Если все предложенные гипотезы оказались отвергнутыми, ученый приступает к изобретению новых, и весь цикл НВ повторяется до получения успешного результата.

Структура НВ имеет следующий общий вид (рис. 1).

Рис. 1. Структура научного вывода

Холмс настаивал на том, что расследование преступлений должно быть точной наукой. В этом с ним следует полностью согласиться. Но это означает, что криминальное расследование, как и процесс научного вывода, должно носить гипотетико-абдуктивно-дедуктивно-индуктивный характер, т. е. быть циклическим и подчиняться законам соответствующих стадий:

обследование аномального факта (жертв, обстоятельств, улики, свидетелей преступления)

абдукция рабочей версии происшедшего

дедукция проверяемых следствий рабочей версии с ее возможной коррекцией

индукция решающего подтверждения окончательной версии, поимка преступника и доказательство его вины.

Проверим справедливость утверждения тождества криминального расследования и научного вывода на одном из лучших рассказов Конан Дойля «Серебряный». Анализ этого рассказа позволит понять преимущества использования НВ без формальных доказательств.

1. Знакомство с деталями происшествия

Холмс получает приглашение принять участие в расследовании таинственного исчезновения лучшего рысака Англии – Серебряного и не менее загадочного убийства его тренера – Джона Стрэкера. Этот факт уже получил огласку и его расследует инспектор Скотланд-Ярда – Грегори.

На пути к месту происшествия Холмс знакомит Уотсона с подробностями, известными из газет.

«У вас уже есть версия (вопрос Уотсона Холмсу. – В. С.)?»

– Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела – рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

– Серебряный, – начал он, – сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье. Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы.

Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага и в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса (владельца Серебряного. – В. С.). Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая- всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое- абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стирает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен Кейплтон- усадьба лорда

Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий – Нэд Хантер – остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка – ее зовут Эдит Бакстер понесла ему ужин – баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, – уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину – по виду явно джентльмена – в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать – тридцать пять.

– Вы не скажете мне, где я нахожусь? – спросил он девушку. – Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

– Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, – отвечала ему девушка.

– Неужели? Какая удача! – воскликнул он. – Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

– Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

– Добрый вечер, – проговорил он, заглядывая в окошко. – У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

– Какое у вас ко мне может быть дело? – сердито спросил конюх.

– Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади. Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов (единица измерения; 1 ферлонг = 1/8 мили. – В. С.) и что вы сами ставите на него?

– Ах, вот вы кто! – закричал конюх. – Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собаку. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

– Стойте! – перебил я Холмса. – Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

– Прекрасно, Уотсон, прекрасно! – улыбнулся мой друг. – Это обстоятельство показало мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не придавал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет

посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, – она слышала, как он стучит в окно, – но Стрэккер накинул плащ и ушел.

Миссис Стрэккер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспамятства, денник фаворита был пуст, нигде никаких следов тренера.

Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слышал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэккера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была размозжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана – длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэккер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая – красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему что-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение, и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело».

2. Абдукция рабочей версии

Познакомившись с фактами о совершенном преступлении и выделив среди них основные, Холмс приступает к разработке рабочей версии. С этой целью он сначала проверяет, насколько правдоподобна версия полиции. На основании анализа газетных сообщений Холмс подробно излагает Уотсону детали версии, которой придерживается инспектор Грегори.

«Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, – человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыскного искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его – Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках.

Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Бронзовом, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял,

хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера – неопровержимое доказательство, что по крайней мере один из нападавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду вам очень признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

– А не может ли быть, – предположил я, – что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

– Вполне возможно, – сказал Холмс. – Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

– И все-таки, – продолжал я, – я никак не могу понять гипотезу полиции.

– Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли – Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, – иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу».

Холмс оценивает версию полиции как маловероятную, но единственную, которую можно принять на основании известных из печати фактов в качестве исходной. Эту версию можно обозначить так: Н_П = «В смерти Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного виновен Фицрой Симпсон».

«– Должен признаться, – говорил Холмс, – что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было, даже исходя из них, нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник – Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны».

При личной встрече с Грегори Холмс первым делом уточняет детали, которые могли бы либо подтвердить, либо опровергнуть принятую им версию.

«Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку – маленькому городку, торчашему, как яблоко на щите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, – сказал полковник, здороваясь. – Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил Холмс.

– Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, – сказал инспектор. – Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

– Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, – заключил Грегори. – Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

– А нож Стрэкера?

– Мы склонились к выводу, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

– Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс».

Однако после знакомства с подробностями происшествия, предоставленными Грегори, Холмс отвергает его версию как неправдоподобную. Ни одна из улик, известных полиции, не повышала ее правдоподобие.

«Холмс покачал головой.

– Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, – заметил он. – Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ – разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

– Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые, – летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

– Что он сказал о галстук?

– Признался, что галстук его, но твердит, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

– Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

– Вполне вероятно.

– Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

– Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

– Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный- второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

– И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

– Абсолютно ничего».

Логика рассуждений Холмса в приведенном отрывке такая. Если допустить, что версия полиции истинна, тогда в действиях Фицроя Симпсона должна быть определенная последовательность: он должен каким-то образом достать ключ от конюшни, открыть ее, усыпив предварительно бдительность дежурного конюха и собаки, что-то сделать с лошадью непосредственно в конюшне или вывести ее и спрятать в другом месте. Однако ключа от конюшни у Фицроя Симпсона не нашли, Симпсон открыто разговаривал со служанкой и конюхом и не стремился остаться незамеченным, лошадь ни в конюшне, ни в ближайших окрестностях не нашли. Все эти факты никак не могли быть необходимым следствием допущения о виновности Фицроя Симпсона. Значит, их достоверность делала эту версию неправдоподобной.

Отвергнув версию полиции, Холмс создает свою: $N_X =$ «В смерти Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного виновен не Фицрой Симпсон, а Стрэкер и его жена».

«Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность – все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

– Признаться, – прервал его полковник, – я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

– Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус- именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семье Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрений, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена- единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен- или, если хотите, почти уверен, – что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер?».

Только поставив вопрос, какая связь между опиумом и чесночным соусом, Холмс смог догадаться об истинном виновнике. Действительно, чеснок заглушает вкус опиума, но Фицрой

не мог знать, что именно будет приготовлено на ужин в тот вечер, чтобы захватить опиум намеренно. Но он не мог взять его и случайно. Значит, Фицрой не имеет никакого отношения к опиуму и преступлению. Зато к нему и тем самым к преступлению имеют прямое отношение те люди, которые готовили ужин, – Джон Стрэкер и его жена.

3. Дедукция необходимых следствий

Какой бы убедительной ни казалась версия Шерлоку Холмсу, он понимал, что она не давала однозначные ответы на вопросы о мотиве преступления и способе, которым оно было совершено. Нужны были новые факты. Для этого Холмс принял свою гипотезу в качестве истинного предположения и начал знакомиться с содержимым карманов Джона Стрэкера и местом происшествия. То, что не привлекло особого внимания полиции, дало ему ответы на оба вопроса.

«Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете, – ведь вы опытный лошадиник, – что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

– Негодяй! Мерзавец! – вскричал полковник.

– Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

– Я был слеп, как крот! – горячился полковник. – Ну, конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

– Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, который он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешана женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется, как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ – операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

– Невероятно! – воскликнул полковник. – Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!»

Дедукции Холмса были такими. Если допустить, что Джон Стрэкер виновен, сразу же возникло бы противоречие между этим предположением и тем, что он использовал катарактальный нож для самозащиты или нападения; что собака залаяла, когда он входил в конюшню;

что он не увел Серебряного в поле; что ему не понадобились спички в ночной темноте; что он не намеревался получить от своего преступления материальной выгоды. Но если все перечисленное противоречиво, а версия истинна, значит, истинно, что Джон Стрэкер хотел использовать катарактальный нож для того чтобы Серебряный не смог выиграть скачки и никто не смог заподозрить его самого; собака не залаяла, потому что в конюшню вошел ее хозяин, т. е. Стрэкер; что только в поле при свете спички можно было без свидетелей нанести увечье Серебряному; что Стрэкер от проигрыша Серебряного получал деньги на содержание своей любовницы.

4. Индукция рабочей версии

Для окончательного обоснования своей версии Холмсу необходимо было отыскать Серебряного, мертвого или живого. Только это могло обеспечить данной версии полную истинность и связать все факты причинно-следственной связью в одно целое. Однако рабочая версия не давала прямого ответа, где следует искать Серебряного. Хотя именно такое предсказание являлось для нее решающим. Холмсу пришлось выдвинуть и проверить несколько частных версий о местонахождении лошади.

«– Вот что, Уотсон, – промолвил он (Холмс. – В. С.) наконец, – мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что произошло с лошадей. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе. Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, – зачем им было красть его? Они чуть что прослышат – спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее – большой риск, а выгоды – никакой. Это вне всякого сомнения.

– Где же тогда Серебряный?

– Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той ложине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно. Серебряный скакал в этом направлении, и нам нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в ложину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой.

На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришлась к отпечатку.

– Вот что значит воображение, – улыбнулся Холмс. – Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно ложинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс – он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

– Сначала лошадь была одна! – вырвалось у меня.

– Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не поднимал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли в обратном направлении.

– Один ноль в вашу пользу, Уотсон, – сказал Холмс, когда я указал ему на них, – теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти долго. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона...

– Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брайна, я давно не встречал, – сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

– Значит, лошадь у него?

– Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами».

Холмс ставит задачу найти пропавшую лошадь и выдвигает последовательно четыре гипотезы о ее возможном местонахождении. S_1 = «Серебряный остался в поле, рядом с местом преступления»; S_2 = «Серебряный вернулся в конюшню в Кингс-Пайленд»; S_3 = «Серебряный убежал в Кейплтон (место, где находится конюшня конкурента полковника Росса)»; S_4 = «Серебряного украли цыгане». Данные гипотезы исключают друг друга и совместно исчерпывают все возможные альтернативы. Следовательно, одна из них должна быть истинна.

Фактами, подтверждающими эти гипотезы, были бы соответственно следующие свидетельства: E_1 = «Серебряный пасется в поле», E_2 = «Серебряный – в Кингс-Пайленде», E_3 = «Серебряный – в Кейплтоне», E_4 = «Серебряный – у цыган». Встает вопрос о достоверности этих свидетельств. Холмс подвергает сомнению E_1 , так как лошадь долго оставаться без человека не может и, кроме того, ее бы заметили; достоверность E_2 приравнивается к нулю, так как Серебряный в родную конюшню Кингс-Пайленда не возвращался; достоверность E_4 также приравнивается к нулю, потому что украсть известного рысака – большой риск, его невозможно надолго где-нибудь спрятать или продать без очевидного последующего разоблачения.

Факт E_1 является логическим следствием S_1 , но его достоверность равна нулю. Значит, гипотеза S_1 опровергается. Аналогично недостоверность E_2 опровергает S_2 , недостоверность E_4 опровергает S_4 . Опровержение S_1 , S_2 , S_4 косвенно доказывает гипотезу S_3 . Но проблема для Холмса заключается в том, что конюшня в Кейплтоне уже осматривалась и Серебряного там не нашли. Поэтому Холмс временно допускает, что S_3 истинна, и ищет свидетельство, подтверждающее ее прямо, т. е. стремится доказать истинность факта E_3 .

Скоро нужное свидетельство в виде отпечатков Серебряного обнаруживается. Предсказание Холмса подтвердилось полностью, когда Серебряного живым и невредимым нашли в Кейплтоне, в конюшне Сайлеса Брайна – конкурента полковника Росса.

Гипотезу S_3 можно рассматривать как решающее предсказание основной версии Холмса H_X . Следовательно, когда факт E_3 подтвердил гипотезу S_3 , он одновременно обеспечил окончательное подтверждение гипотезе H_X и опровержение альтернативной версии полиции.

Заключение

Анализ показал, что «наука дедукции» Шерлока Холмса – байесовский вариант научного вывода, талантливо перенесенный Артуром Конан Дойлем из области науки в сферу расследования уголовных преступлений. Именно этот вариант научного вывода позволяет совершать выводы от причин к следствиям и от следствий к их вероятным причинам. Образ Шерлока Холмса – идеального сыщика и ученого викторианской эпохи – литературно-художественное воспроизведение основных правил и стадий циклического процесса изобретения, развития и испытания научных гипотез. Мотивы действий Шерлока Холмса отражают абсолютное доверие разуму, науке, научному прогрессу и веру в достижения на основе умелого применения научного знания и технологий справедливого решения общественных проблем. Развлечению читателя таинственными, нечеловеческими способностями сыщиков, присущим лишь избранным, Конан Дойль противопоставил развлечение, основанное на знакомстве в увлекательной форме с фундаментальными принципами научного познания, которые доступны в принципе каждому нормальному человеку. «Послушать вас, так это очень просто, – улыбнулся я (Уотсон. – В. С.). – Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

– Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, – заметил он. – А по-моему, ваш Дюпен – очень недалекий малый. Этот прием – сбивать с мысли своего собеседника какой-нибудь фразой “к случаю” после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показной трюк. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

– Вы читали Габорио? – спросил я. – Как, по-вашему, Лекок – настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

– Лекок – жалкий сопляк, – сердито сказал он. – У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема – установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать» (Этюд в багровых тонах).

В изобретении нового способа раскрытия уголовных преступлений и продвижении посредством детективной литературы научных идей в сознание массового читателя, чрезвычайно способствовавшего превращению практики расследования уголовных преступлений в точную науку, в прославлении разума как инстанции, способной решать все земные проблемы, можно видеть непреходящее значение всех историй Конан Дойля о «науке дедукции» Шерлока Холмса.